

КАК РАЗ ТО, ЧТО СТОИТ
ПРОЧЕСТЬ ПОКЛОННИКАМ
«ГОЛОДНЫХ ИГР».

ВОДА

М Э Р И Л Ю

ПОБЕДИТЕЛЬ

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА
«ЛЕГЕНДА»

Легенда

Мэри Лю
Победитель

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Лю М.

Победитель / М. Лю — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Легенда)

Джун и Дэй очень многим пожертвовали и для своего народа, и друг для друга. Но едва появилась надежда, что страна не рухнет в пропасть, как сработала мина замедленного действия. Убийственный штамм чумы, созданный прежним режимом в качестве биологического оружия, пересек границу соседнего государства. Ослабленной Республике предъявлен ультиматум: или она предоставит вакцину, или получит войну с коалицией сверхдержав. Для создания сыворотки нужен носитель вируса – юный Иден, чудом переживший бесчеловечные эксперименты и совсем недавно пошедший на поправку. Но Дэй категорически отказывается спасать страну ценой жизни родного брата, и Джун вынуждена обратиться к третьей силе, чье участие может обойтись слишком дорого.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

© Лю М., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Сан-Франциско, Калифорния, Американская Республика.	6
Население: 24 646 320	
Дэй	6
Джун	13
Дэй	20
Джун	23
Дэй	31
Джун	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мэри Лю Победитель

Marie Lu
CHAMPION

Copyright © 2013 by Xiwei Lu

© Г. Крылов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

Сан-Франциско, Калифорния, Американская Республика. Население: 24 646 320

Дэй

Из всех маскировок эта, наверно, моя самая любимая.

Платиновые волосы, подстриженные чуть ниже плеч, выкрашены в контрастный темно-рыжий и собраны сзади в хвостик. Зеленые контактные линзы на голубых глазах смотрятся вполне естественно. Помятая рубашка с крохотными серебристыми пуговицами, поблескивающими в темноте, местами торчит из-за пояса; легкая военная куртка, черные брюки и ботинки со стальными носами сидят как влитые; плотный серый шарф, намотанный на шею, закрывает подбородок и рот. Темная солдатская кепка надвинута на лоб, алая рисованная татуировка на левой стороне лица совершенно меняет облик. При мне неизменные наушник и микрофон. Республика настаивает.

В большинстве городов я бы привлекал еще больше взглядов идиотской гигантской татуировкой – штука, должен признать, довольно приметная. Но здесь, в Сан-Франциско, я не очень выделяюсь на фоне других. Местная мода – первое, на что я обратил внимание, когда мы с Иденом переехали во Фриско восемь месяцев назад: молодежь наносит черные или красные рисунки себе на физиономии, кто-то – маленькие и изящные вроде герба Республики на висках или чего-нибудь в таком роде, кто-то – большие и аляповатые вроде громадного изображения географических очертаний Республики. Сегодня я выбираю довольно нейтральную татуировку – я не настолько предан стране, чтобы малевать ее герб у себя на лице. Оставьте это Джун. А на моей щеке красуются стилизованные язычки пламени. И так сойдет.

Опять бессонница, и я вместо сна гуляю в одиночестве по сектору под названием Марина, очень похожему, на мой взгляд, на холмистый вариант лос-анджелесского сектора Лейк. Вечер прохладный и очень тихий, ветер с залива несет мелкие брызги. Улицы узкие, мерцают от влаги; изрытые выбоинами здания, возвышающиеся по обеим сторонам (большинство из них такие огромные, что вершины исчезают в низких облаках), совершенно по-разному расписаны выцветшими красными, золотыми и черными красками. По бокам строения укреплены огромными стальными балками для защиты от землетрясений, которые случаются здесь раз в два месяца. Через каждые два дома установлены громадные информационные экраны высотой в пять-шесть этажей, из динамиков несет обычная республиканская пропаганда. Воздух соленый и горький, словно дым и промышленные выбросы смешались с запахом моря, а к ним присоединился еще и слабый душок жареной рыбы. Иногда, поворачивая за угол, я вдруг натываюсь на воду, и у меня промокают ботинки. Город уходит прямо в океан, и на горизонте видны сотни наполовину затопленных зданий. Каждый раз, глядя на залив, я вижу руины Золотых Ворот – искореженные останки старинного моста, громоздящиеся у противоположного берега. Мимо меня время от времени стайками проходят люди, но в остальном город погружен в сон. Редкие костры освещают проулки в местах скопления бездомных обитателей сектора. Очень похоже на Лейк.

Впрочем, я думаю, есть и отличия. Скажем, городской стадион Испытаний – пустой и неосвещенный – расположен чуть вдали. Или – здесь меньше полицейских в бедных секторах. Или граффити на стенах. По последним граффити всегда можно получить представление о настроениях горожан. Многие послания из тех, что я видел недавно, выражают поддержку новому Президенту Республики. «Он – наша надежда», – провозглашает одно из них.

Другая надпись утверждает: «Президент выведет нас из тьмы». Если хотите знать мое мнение, такие заявления чересчур оптимистичны, но я считаю, их появление – хороший знак. Вероятно, Анден делает правильные шаги. И все же время от времени я вижу другие слова: «Президент – вран». Или: «Промывка мозгов». Или: «Тот Дэй, которого мы знали, мертв».

Ничего не могу сказать. Иногда мне кажется, что доверие между Анденом и народом сродни тонкой ниточке... и эта ниточка – я. К тому же я не исключаю: граффити, выражающие поддержку Президенту, – липа, их пишут специальные чиновники. А почему нет?

С Республикой ни в чем нельзя быть уверенным.

У нас с Иденом во Фриско квартира, конечно, в богатом секторе, носящем название Пасифика, мы живем там с экономкой Люси. Республика должна заботиться о своем самом разыскиваемом шестнадцатилетнем преступнике, ставшем героем. Я помню, как растревожил Люси (крепкую, полную пятидесятидвухлетнюю даму, одетую в цвета Республики), когда она впервые появилась у наших дверей в Денвере.

– Республика назначила меня помогать вам, мальчики, – сказала она, войдя в нашу квартиру; ее глаза тут же остановились на Идене. – Особенно малышу.

И конечно, мне это не понравилось. Ведь я два месяца вообще не выпускал Идена из виду. Мы ели, сидя бок о бок, спали рядышком. Один он никогда не оставался. Я даже у двери туалета стоял, когда он справлял нужду, словно солдаты Республики могли каким-то образом засосать его через вентиляцию, вернуть в лабораторию и распилить там на части.

– Вы Идену не нужны, – отбрил я Люси. – У него есть я. Я забочусь о нем.

Но по прошествии двух месяцев я стал сдавать. Выдавались дни, когда я чувствовал себя хорошо, а случалось, не мог подняться с кровати – так раскалывалась голова. В такие дни Люси брала бразды правления в свои руки, и после нескольких скандалов у нас с ней все кое-как устаканилось. Люси готовит классные пироги с мясом. Она переехала вслед за нами во Фриско. Она гуляет с Иденом. Следит за моим графиком приема лекарств.

Устав идти, я замечаю, что вместо Марины оказался в более богатом соседнем районе. Останавливаюсь перед клубом с металлической табличкой «ОБСИДИАНОВЫЙ ЗАЛ» на двери. Я соскальзываю спиной по стене, сажусь на корточки, кладу руки на колени и ощущаю вибрации музыки. Через ткань брюк чувствую ледяной холодок моей металлической ноги. На здании напротив красное граффити: «Дэй – предатель». Я вздыхаю, извлекаю из кармана серебряный портсигар, достаю длинную сигарету. Провожу пальцами по надписи, вытесненной во всю ее длину: «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСПИТАЛЬ САН-ФРАНЦИСКО». Лекарственные сигареты. По рецепту врача. Дрожащими пальцами вставляю ее в рот и закуриваю. Закрываю глаза. Затягиваюсь. Постепенно забываюсь в облачках голубоватого дыма, жду, когда начнется сладостное галлюциногенное действие.

Сегодня оно не заставляет себя ждать. Вскоре постоянная тупая головная боль исчезает, и мир вокруг преобразуется и мерцает. Я знаю: причиной тому не только дождь. Рядом со мной сидит девушка. Тесс.

Она усмехается – я так хорошо знал эту ее улыбку, когда мы обретались на улицах Лейка.

– Есть новости? – спрашивает она, показывая на информэкран по другую сторону дороги.

Я выдыхаю голубоватый дымок и лениво покачиваю головой.

– Не-а. Я, конечно, видел два-три заголовка, имеющих отношение к Патриотам, но вы, ребята, как сквозь землю провалились. Где ты? Куда держишь путь?

– Ты скупаешь по мне? – отвечает вопросом на вопрос Тесс.

Я вглядываюсь в ее мерцающее изображение. Она такая, какой я помню ее по Лейку: рыже-каштановые волосы сплетены в неаккуратную косичку, глаза большие, светящиеся, добрые и нежные. Маленькая моя Тесс. Что я сказал, когда видел ее в последний раз...

после срыва покушения Патриотов на Андена? «Пожалуйста, Тесс... я не могу оставить тебя здесь». Но именно так я и поступил – оставил ее.

Я отворачиваюсь, делаю еще одну затяжку. Скучаю ли я по ней?

– Постоянно, – отвечаю я.

– Ты пытался меня найти, – говорит Тесс, подсаживаясь ближе (клянусь, я чуть ли не чувствую касание ее плеча о мое). – Я знаю, ты ждал новостей на информэкранах, искал связь на радиоволнах, ловил слухи на улицах. Но Патриоты скрываются.

Конечно, они скрываются. С кем им сражаться теперь, когда Анден у власти, а между Колониями и Республикой подписан мирный договор? За что им бороться? Я не могу представить. Наверное, они тоже. Может, и организации такой больше не существует.

– Я так хочу, чтобы ты вернулась, – шепчу я Тесс. – Было бы здорово снова видеть тебя рядом.

– А Джун?

Стоит Тесс спросить про Джун, как она исчезает. Вместо нее появляется Джун с длинным хвостиком волос и глазами, в которых мерцают золотые искорки, серьезными внимательными глазами, всегда все подмечающими. Я опускаю голову на колени и закрываю глаза. Даже при виде такой – эфемерной – Джун у меня больно колет в груди. Черт! Как же мне ее не хватает.

Помню, как простился с ней в Денвере перед нашим с Иденом переездом в Сан-Франциско.

– Мы вернемся, можешь не сомневаться, – сказал я в микрофон, пытаюсь заполнить неловкую тишину. – Когда закончится курс лечения Идена.

Конечно, я лгал. Мы отправились в Сан-Франциско лечить меня, а не Идена. Но Джун ничего не знала, а потому ответила:

– Возвращайся скорее.

Это случилось почти восемь месяцев назад. С тех пор мы не общались. Не знаю почему: то ли мы оба не хотим беспокоить друг друга и боимся, что другой не захочет говорить. А может, мы оба слишком горделивы, и никто не хочет проявить слабость, выйдя на связь первым. Или я ее не слишком интересую. Но вы знаете, как это бывает. Сначала в молчании проходит неделя, потом месяц, а потом слишком много времени – и попытка связаться с человеком начинает казаться странной и нелепой. Вот я и не рыпаюсь. И потом, что мне ей сказать? Не волнуйся, доктора делают все, чтобы сохранить мне жизнь. Не волнуйся, перед предстоящей операцией они накачивают меня лошадиными дозами лекарств, стараясь уменьшить проблемную зону в моем мозгу. Не волнуйся, Антарктида может принять меня на лечение в свои продвинутые больницы.

Какой смысл поддерживать отношения с девушкой, в которую безумно влюблен, если ты умираешь?

От этой мысли затылок начинает пульсировать болью. «Так лучше», – говорю себе в тысячный раз. И это правда. Я так давно ее не видел, что воспоминание о нашем знакомстве тускнеет – теперь я реже думаю о том, какую роль она сыграла в смерти моих близких.

В отличие от Тесс, Джун в моих видениях никогда не произносит ни слова. Я пытаюсь не обращать внимания на нечеткий мираж, но она не хочет уходить. Что за дьявольское упрямство?

Наконец я встаю, бросаю окурок на панель и захожу в Обсидиановый зал. Может быть, ритм и свет прогонят ее из моей системы.

Несколько мгновений я ничего не вижу. В клубе стоит кромешная темнота, а музыка оглушает. Меня тут же останавливают двое громадных охранников. Один кладет тяжелую руку мне на плечо:

– Имя и род войск?

Я не имею ни малейшего желания называть свое настоящее имя.

– Капрал Шустер. ВВС, – говорю я первое, что приходит в голову.

Впрочем, ВВС всегда приходят мне в голову первыми, главным образом благодаря Каэдэ.

– Квартируюсь на базе ВМС номер два.

– Ребята из ВВС сидят там, в конце, недалеко от туалетов, – кивает охранник. – А если услышу, что ты затеял драку с армейскими кабинами, выкину тебя отсюда и утром доложу твоему командиру. Понял?

Я киваю, и меня пропускают. Иду по темному коридору, поднимаюсь на второй этаж и растворяюсь в толпе под мигающими огнями.

На танцплощадке толкуются люди в незаправленных рубашках с закатанными рукавами; мелькают женские платья в тон помятой военной форме. Я нахожу кабинки для ВВС в конце зала. На мою удачу, есть несколько пустых. Я захожу в одну из них, сажусь, забрасываю ноги на мягкое сиденье, откидываю назад голову. Хорошо – хотя бы видение Джун исчезло. От громкой музыки мысли путаются.

Всего через несколько минут я вижу, как через толпу танцующих продирается девушка и направляется ко мне. Щеки у нее покраснелись, глаза яркие, дразнящие. За ее спиной еще несколько девиц – наблюдают за нами. Я выдавливаю улыбку. Обычно мне нравится привлекать внимание в клубах, но иногда просто хочется закрыть глаза и отдаться хаосу.

Она подходит, прижимает губы к моему уху.

– Простите! – перекикивает она музыку. – Мои подружки хотят спросить, вы случайно не Дэй?

Меня уже узнали? Я инстинктивно отстраняюсь, трясую головой и усмехаюсь:

– Вы меня не за того приняли, но за комплимент спасибо.

Лицо девушки почти полностью в тени, но я все равно вижу, что его заливают алый румянец. Подружки раздражаются смехом. Судя по всему, ни одна мне не поверила.

– Потанцуем?

Незнакомка кидает взгляд через плечо на мигающие синие и золотые огни, потом – снова на меня. Вероятно, подружки подговорили ее пригласить меня.

Пытаясь придумать вежливый предлог для отказа, я разглядываю девушку. В клубе слишком темно, и я вижу только вспышки неона на ее коже и длинный хвост собранных сзади волос, ее матовые губы, растянутые в улыбке, шикарную стройную фигуру, короткое платье и военные ботинки. Слова замирают на языке. Что-то в ней напоминает Джун. За восемь месяцев, что Джун пребывает в должности принцепс-электа¹, не многие девушки вызывали у меня желание, но теперь, рядом с призрачным двойником Джун, приглашающим меня потанцевать, я разрешаю себе снова загореться надеждой.

– Почему бы и нет? – отвечаю я.

На лице незнакомки появляется широкая улыбка. Когда я выхожу из кабинки и беру ее за руку, подружки испускают удивленный вздох, за которым следуют громкие одобрительные возгласы. Девушка проводит меня через стайку девчонок, я и глазом не успеваю моргнуть, как мы протискиваемся в толпу на площадке и занимаем крохотное пространство в центре танцевального действия.

Я прижимаюсь к ней, она обнимает меня за шею, и мы отдаемся пульсации ритма. Даже в ослепительном свете, среди мелькающих конечностей, я не могу не признать: она хорошенькая. Песня меняется, потом следующая. Понятия не имею, сколько времени мы плывем в море забвения, но когда она подается вперед и прикасается своими губами к моим, я

¹ *Элект* – традиционное в США добавление к названию должности высшего избираемого лица, уже избранного, но не вступившего на свой пост. (Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных случаев.)

просто закрываю глаза. Я даже чувствую, как сладострастные мурашки пробегают по спине. Она дважды целует меня, рот у нее мягкий и влажный, язык с привкусом водки и фруктов. Я кладу ладонь на поясницу девушки и прижимаю ее к себе, наши тела почти сливаются в одно. Ее поцелуи наливаются страстью.

«Она – Джун», – твержу я себе, поддаваясь этой фантазии. Глаза мои закрыты, в голове туман от галлюциногенных сигарет, и я вполне могу поверить своему воображению: могу представить, как мы здесь целуемся, как у меня перехватывает дыхание. Девушка, вероятно, замечает перемену в моем настроении, внезапный голод и желание: я чувствую, как ее губы растягиваются в ухмылке. Она – Джун. Темные волосы Джун касаются моего лица, длинные ресницы Джун порхают по моим щекам, руки Джун обхватывают мою шею, тело Джун трется о мое. Я испускаю едва слышный стон.

– Идем, – страстно шепчет она. – Подышим воздухом.

Сколько времени прошло? Я не хочу выходить: тогда придется открыть глаза, и Джун исчезнет; вместо нее я увижу незнакомую девушку. Но та тянет меня за руку, и я вынужден оглядеться. Джун, конечно, поблизости нет. Из-за мигающих стробоскопов я несколько мгновений ничего не вижу. Она ведет меня через толпу на танцполе и дальше по темному коридору клуба на улицу через никак не обозначенную заднюю дверь. Мы оказываемся в тихом проулке. Здесь лишь несколько тусклых фонарей, придающих всему вокруг призрачный зеленоватый оттенок.

Она прижимает меня к стене и топит в поцелуе. Кожа у нее влажная, и я чувствую под пальцами ее мурашки. Я отвечаю на поцелуй и слышу тихий удивленный смешок, когда разворачиваю ее и прижимаю к стене.

«Она – Джун», – не устаю повторять я. Мои губы жадно впиваются в ее шею, я ощущаю запах дыма и духов.

И тут слышу в наушнике слабый фоновый шум, будто идет дождь или жарят яичницу. Стараюсь не обращать внимания на вызов, даже когда в ушах звучит мужской голос. Вот уж не вовремя.

– Мистер Уинг.

Я не отвечаю. Пошел вон. Я занят.

Несколько секунд спустя снова:

– Мистер Уинг, говорит капитан Дэвид Гузман из Денверской патрульной службы, подразделение четырнадцать. Я знаю – вы меня слышите.

Опять он. Бедняга капитан, ему всегда дают задание связаться со мной. Вздыхаю и отстраняюсь от девушки.

– Извини, – говорю я, переведя дыхание, затем напускаю на лицо виноватое выражение и показываю на ухо. – Дай мне минутку.

Она улыбается и разглаживает на себе платье.

– Пойду внутрь. Найдешь меня.

С этими словами она открывает дверь и исчезает в клубе.

Я включаю микрофон и медленно иду по проулку.

– Что вам надо? – спрашиваю раздраженным шепотом.

Капитан вздыхает и передает послание:

– Мистер Уинг, завтра вечером в День независимости желателен ваше присутствие в бальном зале Капитолийской башни. Вы можете ответить отказом. – Он добавляет себе под нос: – Как вы обычно и делаете. Но предстоящий банкет – исключительнейшее событие чрезвычайной важности. Если решите присутствовать, утром вас будет ждать частный самолет.

Исключительнейшее событие чрезвычайной важности? Никогда не приходилось слышать столько витиеватых слов в одном предложении. Я закатываю глаза. Каждый месяц меня

приглашают на какое-нибудь дурацкое мероприятие вроде бала всех генералов или праздника по случаю отмены Анденем Испытаний. Но я им нужен лишь для того, чтобы показать меня и напомнить людям: «Если вы вдруг забыли – Дэй на нашей стороне!» Смотри, Дэй, не спугни удачу.

– Мистер Уинг, – говорит капитан в ответ на мое молчание; он словно прибегает к самому вескому аргументу, – блистательный Президент лично просит вас. И принцепс-элект.

Мои ботинки со скрипом замирают посреди проулка. Я не дышу.

Не слишком-то раскатывай губу, остерегаю я себя, ведь принцепс-электов трое, он может иметь в виду любого из них. Проходит несколько секунд, прежде чем я наконец спрашиваю:

– Который из принцепс-электов?

– Тот, который для вас важен.

К щекам приливает кровь, когда я слышу особую интонацию его голоса.

– Джун?

– Да, миз Джун Айпэрис, – произносит капитан с облегчением, поняв, что его слова заинтересовали меня. – На сей раз она просила передать приглашение в качестве ее личной просьбы. Она будет очень рада видеть вас на банкете в Капитолийской башне.

Голова раскалывается, я с трудом выравниваю дыхание. Все мысли о девчонке из клуба мигом исчезают. За восемь месяцев Джун ни разу не обращалась ко мне. Она впервые просит меня появиться на публичном мероприятии.

– А по какому поводу? – спрашиваю я. – Обычный День независимости? Откуда вдруг такая важность?

Капитан отвечает не сразу:

– Вопрос национальной безопасности.

Мое волнение спадает, – может, он просто блефует.

– И что вы имеете в виду? Слушайте, капитан, у меня есть кое-какие дела. Попробуйте убедить меня завтра утром.

Капитан бранится себе под нос.

– Хорошо, мистер Уинг. Как вам угодно.

Он бормочет что-то неразборчивое и отключается. Я раздраженно хмурюсь: восторг сменяется устойчивым разочарованием. Наверное, мне пора домой. Так или иначе, пришло время возвращаться – посмотреть, как там дела у Идена. Ну и шуточки. Велика вероятность, что он просто лжет касательно просьбы Джун, ведь если бы она действительно так хотела, чтобы я вернулся в столицу...

– Дэй?

В наушнике раздается другой голос. Я замираю.

Действие галлюциногенов из сигареты уже должно было закончиться. Неужели ее голос тоже игра воображения? Я не слышал его почти год, но узнаю из миллиона других; одного этого звука достаточно, чтобы перед моим мысленным взором возник образ Джун, словно она случайно забрела в этот проулок. Пожалуйста, только не она. Пожалуйста, только бы она.

Неужели ее голос всегда так на меня действовал?

Понятия не имею, сколько я простоял недвижимо, но, наверное, прошло какое-то время, потому что она повторяет:

– Дэй, это я – Джун. Ты меня слышишь?

Дрожь проходит по моему телу.

Все взаправду. И правда она.

Тон ее чуть изменился. Неуверенный, официальный. Она словно говорит с посторонним человеком. Мне наконец удается взять себя в руки, я снова включаю микрофон:

– Я тебя слушаю.

И мой голос звучит иначе – тоже неуверенно, тоже официально. Надеюсь, она не слышит в нем легкой дрожи.

После небольшой паузы Джун говорит:

– Привет. – Потом долгое молчание, после которого: – Как ты?

Внезапно я ощущаю, как во мне копится поток слов, грозя прорвать плотину рта. Я хочу сказать ей все: после нашего прощания я каждый день думал о тебе, прости, что не разговаривал с тобой, жаль, что ты не выходила со мной на связь. Я тоскую по тебе. Тоскую по тебе.

Но ничего такого я не делаю. Мне удастся только выдавить:

– Отлично. А что?

После некоторой паузы она произносит:

– Вот как? Рада за тебя. Извини за поздний звонок – ты наверняка пытаешься уснуть. Но сенат и Президент просили меня лично передать их просьбу. Я бы не стала тебя беспокоить, если бы не считала, что это крайне важно. Денвер дает бал по случаю Дня независимости, во время торжества состоится экстренное заседание. Нам необходимо твое присутствие.

– Зачем?

Я, кажется, разучился отвечать неоднозначно. Почему-то, слыша на линии голос Джун, ничего поумнее не могу придумать.

Она выдыхает, и сквозь помехи пробивается ее голос:

– Ты знаешь о подготовке мирного договора между Колониями и Республикой?

– Да, конечно.

Все в Республике знают о договоре: главное желание нашего драгоценного маленького Андена – покончить с войной, которая длится уже сто лет. И пока все вроде бы идет в верном направлении: последние четыре месяца на фронте не ведется боевых действий. Никто и не предполагал, что наступят такие времена. А опустевшие стадионы для Испытаний по всей стране – разве можно было такое вообразить?

– Кажется, Президент метит в герои Республики.

– Не спеши с выводами. – Голос Джун падает, и кажется, я вижу выражение ее лица. – Вчера мы получили гневную ноту из Колоний. По их прифронтовым городам распространяется чума, и они винят нас – якобы мы воздействовали на них биологическим оружием через границу. Они даже определили серийные номера снарядов, которыми на их территорию якобы перебрасывали чумные бактерии.

Ее слова приглушенно звучат среди мятущихся мыслей, пробиваясь сквозь туман воспоминаний об Идене и его черных кровотокающих глазах, о мальчике в поезде, которого использовали как оружие.

– Так теперь мирный договор отменяется? – спрашиваю я.

– Да. – Голос Джун сникает. – Колонии утверждают, что чума – это фактически военные действия против них.

– И при чем тут я?

Еще одна долгая зловещая пауза. Она наполняет меня таким ледяным страхом, что пальцы немеют. Чума. Она не остановилась. Она описывает полный круг.

Джун

После восьми месяцев молчания мне тошно от разговора с Дзем. Тошно и противно. С каких пор я им манипулирую? Почему всегда использую против Дзя его слабости?

Вчера вечером в 23:06 в многоквартирный дом, где я живу, наведалься Анден, постучал в мою дверь. Пришел один. Не думаю, что в коридоре осталась охрана. Первый сигнал: его разговор со мной крайне важен и... секретен.

– Я вынужден просить вас об услуге, – сказал Анден, когда я его впустила.

Он почти в совершенстве овладел ролью молодого Президента (спокойный, взвешенный, собранный; в стрессовой ситуации гордый подбородок всегда чуть поднят, тон голоса не меняется, когда он взбешен), но вчера я увидела глубокую озабоченность в его глазах. Даже мой пес Олли понял, насколько Анден взволнован, и попытался успокоить его, ткнув шись мокрым носом ему в ладонь.

Прогнав Олли, я повернулась к Президенту:

– Что случилось?

Анден провел рукой по темным кудрям.

– Не хотел так поздно вас беспокоить. – Он наклонил свою голову к моей в тихом волнении. – Но, боюсь, разговор безотлагательный.

Он стоял так близко – я могла бы чуть приподнять голову и случайно коснуться его губ своими. При этой мысли сердце забилося чаще.

Анден, казалось, ощутил напряженность моей позы, потому что, словно извиняясь, сделал шаг назад. На меня нахлынули противоречивые чувства – облегчение и разочарование.

– Подписание мирного договора сорвано, – прошептал он. – Колонии готовятся снова объявить нам войну.

– Как? Почему? Что случилось?

– По сообщениям моих генералов, недели две назад среди войск прифронтовой зоны со скоростью лесного пожара стал распространяться смертельный вирус.

Заметив, как распахнулись мои глаза, он кивнул. Вид у Андена был усталый – тяжесть забот о стране дает себя знать.

– Я слишком поздно отдал приказ убрать биологическое оружие с фронта.

Иден. Экспериментальные вирусы, которые отец Андена использовал с целью вызвать эпидемию чумы в Колониях. Несколько месяцев я старалась задвинуть эти мысли на периферию сознания – в конечном счете Иден в безопасности под присмотром Дзя и, по новейшим полученным мною сведениям, медленно возвращается к подобию нормальной жизни. Последнее время боевые действия на фронте не велись, Анден тем временем пытался согласовать мирный договор с Колониями. Я надеялась, нам повезет и из биологической войны ничего не получится. Как выяснилось, я выдавала желаемое за действительное.

– Сенаторы знают? – спросила я после паузы. – Или другие принципс-электы? Почему вы информируете именно меня? Я далеко не самый близкий ваш советник.

Анден вздохнул, сжал пальцами переносицу:

– Простите меня. Сожалею, но приходится привлекать вас. Колонии считают, что в наших лабораториях есть средство против чумного вируса и мы просто решили его попридержать. Они требуют, чтобы мы поделились с ними сывороткой, иначе грозят полномасштабным вторжением в Республику. Только на сей раз мы вернемся не к прежней войне. У Колоний появился союзник. Они заключили торговый договор с Африкой, которая обеспечит им военную поддержку, а в обмен получит половину нашей территории.

На меня накатило недоброе предчувствие. Я поняла, к чему клонит Анден, хотя тот пока не обмолвился об этом ни словом.

– А сыворотки у нас нет?

– Нет. Но мы знаем, кто из прежних пациентов способен помочь нам ее получить.

При этих словах я замотала головой и отдернула руку, когда Анден прикоснулся к моему локтю:

– Категорически нет. Я не соглашусь. Даже не просите.

Лицо Андена исказилось мукой.

– На завтра я назначил банкет и пригласил всех сенаторов. Если хотим предотвратить войну и подписать мирный договор с Колониями, у нас нет выбора. – Голос его зазвучал тверже. – Вы представляете положение дел не хуже меня. Я хочу, чтобы Дэй присутствовал на банкете и выслушал нас. Без его разрешения Иден нам не поможет.

Совершенно потрясенная, я вдруг поняла, насколько решительно он настроен.

– Он никогда не согласится. Вы ведь это осознаете? Страна все еще не очень вам доверяет, а поддержка Дэя в лучшем случае не безусловна. Как, думаете, он вам ответит? А если разозлите его настолько, что он призовет народ к действию, побудит к восстанию против вас? Или того хуже – сподвигнет людей поддержать Колонии?

– Я уже обдумал все это. – Анден устало потер виски. – Будь у меня вариант получше, я бы за него ухватился.

– И вы хотите, чтобы я его уговорила. – Я даже не даю себе труда скрывать раздражение. – Нет уж, увольте. Пусть другие сенаторы убеждают Дэя. Или попытайтесь сами. Найдите способ извиниться перед канцлером Колоний – попросите его о переговорах для согласования новых условий.

– Джун, вы – слабое место Дэя. Вас он послушает. – Анден болезненно морщится, даже не успев закончить фразу. – Я понимаю, как звучат мои слова. Я не хочу быть жестоким, не хочу, чтобы Дэй видел в нас врагов. Но я сделаю все, что в моих силах, ради защиты народа Республики. В противном случае Колонии начнут войну, и тогда, как вы понимаете, вирус распространится и на Республику.

Положение еще хуже, чем говорит Анден: если Колонии нападут при поддержке Африки, наши военные, вероятно, не смогут дать отпор. В такой ситуации Колонии победят. Меня Дэй послушает.

Я закрыла глаза и кивнула. Не хотелось признавать, но я понимала: Анден прав.

И я сделала то, о чем он говорил. Позвонила Дэю и попросила его вернуться в столицу.

От одной мысли о встрече у меня начинает бешено колотиться сердце, изболевшееся по нему за месяцы разлуки. Я так давно не видела Дэя, не говорила с ним... и вот завтра мы встретимся при таких обстоятельствах. Что он подумает обо мне теперь?

Что подумает о Республике, когда узнает, чего она хочет от его брата?

12:01

Окружной уголовный суд Денвера.

72° по Фаренгейту в помещении.

Шесть часов до встречи с Дэем на балу.

289 дней и 12 часов со дня смерти Метиаса

Сегодня судят Томаса и командера Джеймсон.

Я так устала от судебных процессов. За прошедшие четыре месяца двенадцать сенаторов получили приговоры за участие в заговоре с целью убийства Андена – в том заговоре, который мы с Дэем сумели разрушить. Сенаторов казнили. Казнили и Рейзора. Иногда мне кажется, что каждую неделю приговаривают кого-то еще.

Но этот процесс особенный. Сегодня я точно знаю, кого судят и за что.

Я сижу на балконе, выходящем на круглую сцену зала судебных заседаний, руки мои в белых шелковых перчатках не находят покоя, тело беспокойно двигается под жилетом и черным пальто с рюшами, сапожки тихонько постукивают по балясинам ограждения. Мое кресло, изготовленное из искусственного дуба, обито мягким алым бархатом, но мне почему-то неудобно. Чтобы успокоиться и занять себя, я аккуратно переплетаю на коленях четыре распрямленные скрепки, пытаюсь сделать из них колечко. За моей спиной стоят два телохранителя. Сцену полукругом охватывают кресла двадцати шести сенаторов страны, облаченных в одинаковые ало-черные костюмы; их серебряные эполеты бликуют в освещении зала, от сводчатого потолка эхом отражаются их голоса, которые звучат по большей части безразлично, словно обсуждают не судьбы людей, а торговые пути. Среди сенаторов много новых людей – они пришли на замену предателям, которых Анден уже вычистил. Я отличаюсь от сенаторов золотисто-черным одеянием (даже семьдесят шесть солдат охраны облачены в алое – по два для каждого сенатора, два для меня, по два для других принцепс-электов, четыре для Андена и четырнадцать у переднего и заднего выходов. Такое количество военных означает, что обвиняемые – Томас и командер Джеймсон – весьма опасны и могут выкинуть что-нибудь неожиданное).

Я не сенатор. Я – принцепс-элект, а потому должна выглядеть иначе.

На двух других принцепс-электах такие же черные с золотым одеяния, как и на мне. Я оглядываюсь: они заняли свои места на других балконах. Когда Анден направил меня на стажировку как возможного принцепса, сенат вынудил его выбрать и других кандидатов. В конечном счете нельзя готовить к должности главы сената лишь одного человека, тем более если ему шестнадцать лет и он – девушка без малейшего политического опыта. И Анден согласился. Он назначил еще двух принцепс-электов, обоих с должности сенаторов. Одна – Мариана Дюпри. Останавливаю на ней взгляд: у нее вздернутый нос и налитые строгостью глаза. Тридцать семь лет, сенатор с десятилетним стажем. Она возненавидела меня с первого взгляда. Далее я смотрю на балкон, где сидит еще один принцепс-элект. Серж Кармайкл, раздражительный сенатор тридцати двух лет, выдающийся политический ум, он сразу же дал мне понять, что мой возраст и опыт не ставят ни в грош.

Серж и Мариана. Два соперника в споре за пост принцепса. От одной мысли о них руки опускаются.

На балконе в нескольких десятках ярдов от меня сидит Анден, окруженный телохранителями. Он, кажется, спокоен, обсуждает что-то с военным. На нем красивый китель с блестящими серебряными пуговицами, серебряными эполетами и нарукавными серебряными знаками различия. Время от времени он бросает взгляд на обвиняемых, стоящих на круговой площадке. Я несколько секунд смотрю на Президента, восхищаясь его спокойствием.

Командера Джеймсон и Томаса приговорят за преступления против народа.

Томас выглядит аккуратнее, чем обычно, если такое вообще возможно. Волосы его приглажены, и, очевидно, на каждый ботинок он израсходовал по банке крема для обуви. Он стоит по стойке «смирно» в центре помещения и смотрит перед собой с сосредоточенностью, которой мог бы гордиться любой командер Республики. Мне хочется знать, что происходит в его голове. Представляет ли он себе проулок рядом с госпиталем, где убил моего брата? Вспоминает ли неформальные разговоры с Метиасом (а их было немало) в те моменты, когда оба уже сдали смену? Или ту роковую ночь, когда он предпочел не помочь Метиасу, а предать его?

А вот командер Джеймсон кажется немного взъерошенной. Ее холодные бесстрастные глаза устремлены в мою сторону. Последние двенадцать минут она, не мигая, смотрит на меня. Я на несколько секунд перехватываю ее взгляд, пытаюсь увидеть хоть какое-то подобие души в ее глазах, но в них нет ничего, кроме ледяной ненависти и полного отсутствия совести.

Я отворачиваюсь, делаю несколько глубоких, медленных вдохов и пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь другом. Мысли возвращаются к Дэю.

В последний раз я видела его двести сорок один день назад – тогда он пришел ко мне домой попрощаться. Иногда хочется, чтобы Дэй обнял и поцеловал меня, как в тот последний вечер, когда мы прижались друг к другу и было не вздохнуть, а его губы впились в мои. Я гоню от себя это желание. Бесплезная мысль. Она напоминает мне об утрате, так же как вид людей, убивших мою семью, напоминает, что я потеряла; а еще напоминает, как я виновата перед Дэем за все, что отняла у него.

И потом, Дэй, возможно, никогда больше не захочет меня поцеловать. По крайней мере, когда узнает, зачем я просила его вернуться в Денвер.

Теперь Анден смотрит на меня. Я ловлю его взгляд, он кивает, уходит со своего балкона, а минуту спустя появляется на моем. Я поднимаюсь и вместе с моими телохранителями отдаю воинское приветствие.

– Садитесь, пожалуйста, – нетерпеливо машет Анден рукой.

Когда я опускаюсь в кресло, он нагибается до уровня моих глаз и добавляет:

– Как вы себя чувствуете?

Я пытаюсь согнать с лица румянец. После восьми месяцев без Дэя я ловлю себя на том, что улыбаюсь Андену, мне приятен его интерес, иногда я даже ищу его внимания.

– Спасибо, отлично. Я ждала этого дня.

– Конечно, – кивает Анден. – Вскоре они оба исчезнут из вашей жизни навсегда.

Он утешительно сжимает мне плечо, после чего исчезает так же неожиданно, как появился, в сопровождении слабого позвякивания медалей и эполет, а через несколько секунд появляется на своем балконе.

Я поднимаю голову, тщетно пытаюсь изобразить браваду, поскольку знаю: ледяной взгляд командера Джеймсон по-прежнему устремлен на меня. Каждый сенатор поднимается, чтобы вынести свой вердикт, а я задерживаю дыхание и одно за другим прогоняю все воспоминания, в которых меня сверлят ее холодные глаза, складываю их в маленькое отделение на периферии сознания. Голосование, кажется, длится целую вечность, хотя сенаторы быстро произносят речи, которыми, по их мнению, угодят Президенту. После стольких казней никому не хватает смелости выступить наперекор воле Андена. Когда наступает моя очередь, я чувствую, как от сухости перехватывает горло. Несколько раз глотаю слюну.

– Виновна, – звучит мой голос четко и спокойно.

Серж и Мариана говорят следом. После чего мы выносим вердикт по делу Томаса. Три минуты спустя на балкон к Андену поспешно заходит человек (лысый, с круглым морщинистым лицом, в алой, до пола мантии, которую он придерживает левой рукой) и торопливо кланяется. Анден шепчет что-то ему на ухо. Я с безмолвным любопытством наблюдаю за их беседой, пытаюсь предугадать по их жестам окончательное решение. Вскоре Анден и человек в мантии кивают, после чего последний обращается ко всему собранию:

– Мы готовы вынести приговоры капитану Томасу Александру Брайанту и командеру Наташе Джеймсон из восьмого подразделения Лос-Анджелесской патрульной службы. Прошу всех встать в честь блистательного Президента.

Сенаторы и я поднимаемся с мест, а командер Джеймсон с выражением крайнего презрения на лице устремляет взгляд на Андена. Томас замирает, повернувшись в сторону Президента и приложив руку к виску. Он остается в таком положении, пока Анден встает, распрямляется, заводит руки за спину. На мгновение в ожидании окончательного приговора наступает абсолютная тишина – только один голос имеет значение. Я подавляю приступ кашля. Инстинктивно стреляю глазами то в одного, то в другого принципс-электа – теперь я это делаю постоянно. На лице у Марианы мрачное удовлетворение, у Сержа – явная скука.

Сжимаю в кулаке незаконченное колечко из скрепок. Я знаю, оно оставит глубокие канавки на моей ладони.

– Каждый сенатор Республики вынес свой вердикт, – обращается к залу Анден.

Его слова звучат веско, в соответствии со стародавними требованиями к подобным речам. Удивительно, как ему удается говорить так тихо и в то же время так властно.

– Я принял во внимание их совместное решение, а теперь объявляю свое собственное.

Анден замолкает и переводит взгляд на площадку, где стоят в ожидании обвиняемые. Томас – по-прежнему по стойке «смирно» и с рукой у виска – смотрит перед собой.

– Томас Александр Брайант, капитан восьмого подразделения Лос-Анджелесской патрульной службы, Республика признает вас виновным...

Зал погружен в полную тишину. Я стараюсь дышать ровно. Думать о чем-нибудь. О чем угодно. Ну, скажем, вспомнить все политические трактаты, прочитанные за последнюю неделю. Пытаюсь воспроизвести в уме факты, о которых только узнала. Но вдруг понимаю, что вспомнить ничего не могу. Так на меня непохоже.

– ...в убийстве капитана Метиаса Айпэриса вечером тринадцатого ноября, в убийстве гражданки Грейс Уинг без особого предписания, в собственноручной казни двенадцати протестующих на Баталла-сквер в день...

Его голос то звучит, то пропадает в шуме внутри головы. Я опираюсь на подлокотник кресла, медленно выдыхаю, пытаюсь усмирить головокружение, чтобы не упасть. Виновен. Томас признан виновным в убийстве моего брата и матери Дэй. Руки трясутся.

– ...и приговаривается к высшей мере наказания посредством расстрела через два дня в семнадцать часов ноль минут. Командер Наташа Джеймсон из восьмого подразделения Лос-Анджелесской патрульной службы, Американская Республика признает вас виновной...

Голос Андена переходит в монотонное неразборчивое гудение. Все вокруг словно замедляется, я будто живу слишком быстро для всего происходящего, оставляя мир позади.

Год назад я стояла неподалеку от Баталла-Холла в другом зале судебных заседаний и вместе с огромной толпой смотрела, как судья выносит точно такой же приговор Дэйю. Дэй сегодня жив, он в Республике знаменитость. Я открываю глаза. Губы командера Джеймсон плотно сжаты – она выслушивает смертный приговор, который зачитывает Анден. У Томаса бесстрастный вид. Так ли он спокоен на самом деле? Я слишком далеко от него стою, чтобы сказать наверняка, но его брови трагически сведены. Напоминаю себе, что должна бы испытывать удовлетворение. И Дэй, и я должны бы радоваться: Томас убил Метиаса. Он без колебаний хладнокровно застрелил мать Дэй.

Но теперь зал суда исчезает, и я вижу перед собой мальчишку, каким был Томас, когда он, Метиас и я ели свинину с соевыми бобами в теплом буфете на первом этаже, а вокруг хлестал дождь. Я помню, как Томас показал мне первый выданный ему на службе пистолет. Я даже помню, как Метиас однажды привел меня на дневную тренировку. Мне исполнилось двенадцать, и я уже неделю отучилась в Дрейке – каким невинным все тогда казалось. Метиас забрал меня сразу же после занятий, и мы направились в сектор Танагаси, где он обучал своих патрульных. Я до сих пор ощущаю тепло солнечных лучей на своих волосах, все еще вижу взлет накидки Метиаса, сверкание его серебристых эполет, слышу мерный стук его начищенных ботинок по бетону. Я уселась в углу скамейки, включила компьютер, чтобы почитать (или сделать вид, что читаю), а Метиас построил своих подчиненных на смотр. Он останавливался перед каждым солдатом, указывал на недостатки в форме.

– Кадет Рин! – гавкнул он на одного из новеньких.

Солдат подпрыгнул, услышав стальные нотки в голосе моего брата, и, когда Метиас ткнул пальцем в единственную медаль на мундире солдата, стыдливо опустил голову.

– Если бы я так носил мою медаль, командер Джеймсон разжаловала бы меня. Вы хотите, чтобы вас уволили из патрульной службы?

– Н-нет, сэр, – заикаясь, проговорил кадет.

Метиас завел за спину руку в перчатке и пошел дальше. Он отчитал еще трех солдат и наконец дошел до Томаса, который стоял по стойке «смирно» почти в самом конце шеренги. Метиас оглядел его форму придирчивым взглядом. Томас был одет, конечно, совершенно безупречно: все швы на месте, каждая медаль и эполеты отшлифованы до блеска, ботинки идеально начищены – я могла посмотреться в них, как в зеркало. Долгая пауза. Я отставила компьютер и устремила внимательный взгляд на Метиаса. Наконец мой брат кивнул.

– Прекрасно, солдат, – сказал он Томасу. – Я попрошу командера Джеймсон повесить вас в звании до конца года.

Выражение лица Томаса осталось неизменным, но я видела, как он горделиво приподнял подбородок.

– Спасибо, сэр, – ответил он.

Глаза Метиаса задержались на нем еще на мгновение, а потом он пошел дальше.

Закончив смотреть, брат встал лицом к команде:

– Сегодня я разочарован, солдаты. Сейчас я несу за вас ответственность, а значит, и командер Джеймсон. Она ожидает от вас больших успехов, так что вам придется постараться. Ясно?

Ответом ему было единоголосое «Да, сэр!», сопровождаемое воинским приветствием.

Метиас снова перевел глаза на Томаса. Я прочла уважение во взгляде брата, даже восхищение.

– Если бы все вы были так же внимательны к деталям, как кадет Брайант, мы стали бы лучшим подразделением патрульной службы в стране. – Он приложил руку к виску. – Да здравствует Республика!

Кадеты в один голос повторили за ним последние слова.

Воспоминания медленно блекнут перед моим мысленным взором, звонкий голос Метиаса превращается в призрачный шепот, а я остаюсь наедине со своей печалью, слабая и обессиленная.

Метиас всегда говорил о стремлении Томаса стать идеальным солдатом. Я помню слепую преданность Томаса командеру Джеймсон, такую же слепую преданность он демонстрирует теперь по отношению к новому Президенту. Потом вспоминаю, как мы с Томасом сидели друг против друга в комнате для допросов, боль в его глазах. Он тогда сказал, что хотел меня защитить. Что случилось с тем застенчивым, неловким пареньком из бедняцкого сектора Лос-Анджелеса, с пареньком, который каждое утро тренировался вместе с Метиасом? Мой взгляд затуманивается, и я быстро провожу рукой по глазам.

Я могу проявить сострадание. Попросить Андена пощадить Томаса, дать ему возможность отсидеть в тюрьме и искупить свою вину. Но я стою неподвижно, сомкнув губы; сердце в моей груди твердо, как камень. Метиас на моем месте был бы милосерднее.

Но брат всегда был лучше меня.

– На этом процесс над капитаном Томасом Александром Брайантом и командером Наташей Джеймсон завершен, – подытоживает Анден, а потом, указуя на Томаса, говорит: – Капитан, вы хотите что-нибудь сказать сенату?

Ни один мускул на лице Томаса не дергается, я не вижу ни малейшего признака страха, сожаления или злости. Я внимательно смотрю на него. Спустя секунду он обращает взгляд на Андена, низко кланяется:

– Мой блистательный Президент. Я совершил преступление против Республики и разочаровал вас своими действиями. Я смиренно принимаю приговор. – Он распрямляется и снова вскидывает пальцы к виску. – Да здравствует Республика!

Сенаторы выражают согласие с окончательным приговором Томасу, а тот переводит глаза на меня. На миг наши глаза встречаются, потом я опускаю взгляд. Спустя секунду снова поднимаю глаза, но Томас уже снова смотрит перед собой.

Анден поворачивается к командеру Джеймсон.

– Коммандер. – Он вытягивает руку в перчатке в направлении Джеймсон и царственно поднимает подбородок. – Вы хотите что-нибудь сказать сенату?

Она, не дрогнув, вперивается в молодого Президента. Ее глаза – холодные темные омуты. После паузы она наконец кивает.

– Да, Президент, – говорит Джеймсон резким насмешливым тоном, разительно контрастирующим с голосом Томаса.

Сенаторы и солдаты недовольно переступают с ноги на ногу, но Анден поднимает руку, призывая их к тишине.

– У меня есть для вас несколько слов. Я не первая поставила на вашу смерть и, уж поверьте, не последняя. Вы – Президент, но вы еще мальчишка. Вы не знаете себя. – Она щурит глаза... и улыбается. – Но я вас знаю. Я повидала гораздо больше вашего – я пускала кровь заключенным, которые были в два раза старше вас, убивала людей вдвое могущественнее вас, я ломала многих, и они дрожали всем телом, будучи вдвое мужественнее вас. Думаете, вы – спаситель страны? Нет, поверьте. Вы лишь папенькин сыночек, а яблоко от яблони недалеко падает. Он потерпел поражение, такая же судьба ждет и вас.

Ее улыбка становится еще шире, но не трогает глаз.

– Страна под вашим началом сгинет в пламени, а мой призрак посмеется над вами из ада.

Выражение лица Андена не меняется. Он смотрит вперед ясно и смело, и меня влечет к нему, точно птицу в небеса. Он холодно отвечает на ее взгляд.

– На этом процесс завершен, – говорит Президент, и его голос эхом разносится по залу. – Коммандер, поберегите угрозы для расстрельного взвода.

Он сцепляет руки за спиной и кивает солдатам:

– Уведите их – не хочу их больше видеть.

Не знаю, как Анден может без страха смотреть на Джеймсон. Я завидую этой его способности, потому что, глядя на конвоиров, которые уводят командера, испытываю приступ ледящего ужаса. Мне кажется, она еще вернется. Кажется, нужно постоянно остерегаться ее.

Дэй

Мы садимся в Денвере утром того дня, на который назначен чрезвычайный банкет. От одного словосочетания меня распирает смех: чрезвычайный банкет. В моем понимании, банкет – пиршество, и я представить себе не могу, как чрезвычайная ситуация может стать поводом для обжорства, пусть даже и в День независимости. Неужели сенаторы так борются с кризисами – наедаясь до отвала?

После того как мы с братом устраиваемся во временной правительственной квартире и Иден засыпает (он не выспался – нам пришлось встать рано утром), я неохотно оставляю его под присмотром Люси и отправляюсь на встречу с помощником, который должен подготовить меня к вечернему мероприятию.

– Если кто-нибудь захочет увидеть его, – шепчу я Люси, – сразу же сообщите мне. Какие бы аргументы вам ни приводили. Если кто-нибудь...

Люси, привычная к моей паранойе, умиряет меня одним жестом.

– Будьте спокойны, мистер Уинг. – Она треплет меня по щеке. – Никто не потревожит Идена. Обещаю. Если что-то случится, я в тот же миг вас извещу.

Я киваю. Мой взгляд останавливается на Идене. Я даже моргнуть боюсь – вдруг он исчезнет?

– Спасибо.

Чтобы помочь мне подобающе одеться для столь торжественного события, Республика присылает дочь одного из сенаторов – та проведет меня по центральному кварталу, где расположены главные магазины города. Девушка встречает меня на железнодорожной платформе посреди квартала. Ошибиться невозможно – она выделяется в толпе безупречным стилем; ее светло-карие глаза контрастируют с темно-коричневой кожей, густые черные волосы заплетены в затейливую косичку. Узнав меня, она широко улыбается и критически оглядывает мою одежду.

– Вы, вероятно, Дэй, – говорит она, пожимая мне руку. – Меня зовут Фалин Федельма. Президент назначил меня вашим гидом.

Вскинув бровь, она молча изучает мой прикид, затем выносит свой вердикт:

– Нам будет чем заняться.

Я тоже оглядываю свою одежду: брюки, заправленные в высокие ботинки, помятую рубашку, старый шарф. В те времена, когда я жил на улицах, такой комплект можно было назвать роскошным.

– Рад, что вам понравилось, – отвечаю я.

Но Фалин только смеется и берет меня под руку. Она ведет меня на улицу, где продают наряды для торжественных случаев, а я оглядываю людей вокруг. Хорошо одетые представители высшего класса. Трое прохожих курсантов смеются над чем-то, на них безукоризненная военная форма и сверкающие ботинки. Мы заворачиваем за угол и заходим в магазин, и тут я обращаю внимание на обилие солдат – они стоят вдоль всей улицы. Много солдат.

– В центре города всегда так много военных? – спрашиваю я.

Фалин пожимает плечами, прикладывая вешалку с одеждой к моему торсу, но я вижу беспокойство в ее глазах.

– Нет, – отвечает она. – Обычно не так. Но вам абсолютно не о чем волноваться.

Я больше не задаю вопросов, но тревога поселяется у меня в голове. Денвер усиливает оборону. Джун не объяснила, почему так важно мое присутствие на банкете, а оно важно, иначе она не вышла бы на связь после долгих месяцев молчания. Какого черта ей от меня нужно? Чего теперь хочет Республика?

Если Республика снова собирается воевать, мне, вероятно, следует вывезти Идена из страны. В конечном счете теперь у нас есть возможность уехать. Не понимаю, что меня здесь держит.

Много часов спустя, после захода солнца, после того, как в разных районах города отгремели фейерверки в честь дня рождения Президента, джип везет меня из квартиры в Колбурн-Холл. Я нетерпеливо поглядываю в окно. Люди ходят по тротуарам плотными группами. Сегодня все одеты по-особенному – по большей части в красное с золотым шитьем и гербами Республики там и здесь, на тыльной стороне белых перчаток или на рукавах военных мундиров. Я спрашиваю себя, многие ли согласны с граффити «Анден – наш спаситель» и многие ли считают Андена обманщиком. По улицам строем идут солдаты. На всех экранах огромные изображения герба Республики, ведется прямая трансляция из Колбурн-Холла. Нужно отдать Андену должное: пропаганды в последнее время с информэкранов льется все меньше. Но пока по-прежнему нет никаких сведений о внешнем мире. Видимо, не все сразу.

Мы подъезжаем к мощным ступеням Колбурн-Холла в разгар праздника – вокруг толпы людей и не улыбочивые военные. Зеваки громко приветствуют меня, когда я выхожу из джипа, от их криков сотрясаются кости и боль пронзает затылок. Я неуверенно машу в ответ.

Фалин ждет меня у лестницы к главному входу. На ней золотистое платье, на века мерцающие золотые тени. Мы раскланиваемся, и я следую за ней. Фалин жестами велит расчистить для нас дорогу.

– Вы прекрасно выглядите, – замечает она. – Кое-кто будет очень рад вас видеть.

– Не думаю, что Президент так уж обрадуется.

Она улыбается мне через плечо:

– Я не о Президенте.

Сердце екает.

Мы пробираемся сквозь кричащую толпу. Я выгибаю шею, разглядываю великолепные красоты Колбурн-Холла. Все сверкает. Сегодня все центральные колонны украшены высокими алыми знаменами с гербом Республики, а над входом портрет такой величины, каких я еще не видел, – гигантское лицо Андена. Фалин ведет меня по коридору, где сенаторы разговаривают с великосветскими гостями, смеются, будто все в стране прекрасно. Но за их веселыми масками я вижу признаки волнения – бегающие глаза, нахмуренные брови. Они, вероятно, тоже встревожены чрезмерным количеством солдат. Я пытаюсь подражать их уверенным, отточенным манерам, но, когда Фалин ловит меня за этим занятием, сдаюсь.

Где я? Что здесь делаю?

И надо же – стоит мне так подумать, как я вижу ее. Непостижимым образом среди аристократов, сливающихся в сплошную массу, мой взгляд находит ее и останавливается. Джун. Шум вокруг превращается в глухое гудение, тихое и неинтересное, и все мое внимание само собой переключается на девушку, противостоять обаянию которой я, как оказалось, не в силах.

Она в бордовом платье в пол, в ее густых блестящих волосах, высоко уложенных темными волнами, красные гребни с драгоценными камнями, играющими на свету. Я никогда не встречал девушку красивее, наверняка она самая потрясающая на банкете. За восемь месяцев, что мы не виделись, она выросла и научилась безукоризненно себя держать – ее голова с глубокими темными глазами аристократично, в высшей степени изящно сидит на лебединой шее.

Само совершенство. При более внимательном взгляде я замечаю нечто настораживающее. В ней чувствуется какая-то замкнутость, неуверенность в себе, неопределенность. Она не похожа на ту девушку, которую я знал. Я словно теряю контроль над собой при виде Джун и вдруг понимаю, что иду к ней и веду за собой Фалин. Останавливаюсь я, только когда люди расступаются и я вижу человека, стоящего рядом с Джун.

Анден. Конечно, удивляться тут нечему. Несколько хорошо одетых девиц пытаются привлечь его внимание, но его, кажется, интересует только Джун. Я смотрю, как он наклоняется, чтобы прошептать ей что-то на ухо, а потом возвращается к неторопливой беседе.

Я без слов резко сворачиваю в сторону, и Фалин хмурится:

– С вами все в порядке?

– Абсолютно, – натужно улыбаюсь я. – Не беспокойтесь.

Здесь, среди аристократов с их банковскими счетами и шикарными манерами, я не в своей тарелке. Сколько бы денег ни давала мне Республика, я все равно останусь уличным мальчишкой.

Я и забыл, что уличный мальчишка не пара будущему принцепсу сената.

Джун

19:35

Колбурн-Холл, главный зал.

68° Фаренгейта

Кажется, я вижу Дэя в толпе – яркую вспышку платиновых волос, ярко-голубых глаз. Мое внимание сразу же отключается от разговора с Анденом и другими принцепс-электами, я выгибаю шею, надеясь рассмотреть его получше, но он уже исчез, словно и не было. Разочарованная, я возвращаю взгляд к собеседникам, улыбаюсь им заученной улыбкой. Появится ли Дэй? Люди Андена наверняка предупредили бы нас, если бы он не сел в частный самолет, посланный за ним утром. Но накануне его голос в микрофоне звучал так отчужденно и неловко, – может, он решил, что не стоит прилетать. Может, ненавидит меня теперь, ведь у него было достаточно времени поразмыслить о наших отношениях. Я снова оглядываю толпу, пока другие принцепс-электы смеются над шутками Андена.

Шестое чувство подсказывает: Дэй здесь. Но я не из тех, кто полагается на интуицию. Я рассеянно прикасаюсь к драгоценным камням в волосах – на месте ли они? Мне доводилось носить вещи и поудобнее, но парикмахер просто ахнул, когда увидел, как смотрятся рубины на фоне моих темных кудрей, и его реакции было достаточно, чтобы я решила: да, игра стоит свеч. Не знаю, что именно заставило меня сегодня так потрудиться над внешностью. Наверное, День независимости, ведь это такое важное событие.

– Миз Айпэрис, как мы все и предполагали, намного опередила остальных, – говорит Анден сенатору и улыбается мне.

Его веселость, конечно, показная. Я достаточно долго работаю в помощниках Андена, чтобы понять, когда он напряжен; сегодня каждое его движение нервическое. Я тоже нервничаю. Возможно, и месяца не пройдет, как над городами Республики поднимутся флаги Колоний.

– Преподаватели говорят, что еще не видели ученика, который так быстро усваивал бы политические тексты.

– Благодарю вас, Президент, – машинально отвечаю я на комплимент.

Сенаторы посмеиваются одобрительно, но под их масками радушия я вижу негодование в мой адрес – девчонки, которая по назначению Президента в один прекрасный день может стать главой сената. Мариана устаивает меня дипломатичного, но строгого кивка, а Сержу явно не нравится особое отношение ко мне. Я игнорирую злобные взгляды старших коллег. Они беспокоили меня прежде, теперь я просто устала от них.

– Да-да. – Сенатор от Калифорнии Танака поправляет воротник своего мундира и переглядывается с женой. – Замечательная новость, Президент. Но, несомненно, преподаватели знают, что опыт сенаторской работы не укладывается ни в какие книги, его приобретают годами службы в палате сената. Как, например, наш дорогой сенатор Кармайкл.

Он замолкает и любезно кивает Сержу, который надувается, как индюк. Анден лишь отмахивается от его соображения.

– Конечно, сенатор, – говорит он. – Со временем все придет.

Мариана рядом со мной вздыхает, указывает подбородком на Сержу.

– Если долго смотреть на его голову, кажется, она вот-вот выпустит крылья и взлетит, – бормочет она.

Я улыбаюсь ее словам.

Они меняют тему с моих успехов на обсуждение, как лучше теперь, когда отменены Испытания, отбирать учеников в средней школе. Разговор о политике действует мне на

нервы. Я оглядываю толпу в поисках Дэя (безрезультатно), затем наконец прикасаюсь пальцами к руке Андена, подаюсь к нему и шепотом говорю:

– Прошу меня извинить, я скоро вернусь.

Он кивает. Я смешиваюсь с толпой, но чувствую на себе его взгляд.

Несколько минут я хожу по залу, приветствуя сенаторов и их семьи. Где Дэй? Выхватываю на ходу обрывки разговоров, обращаю внимание на скопления людей. Дэй – знаменитость. Если он здесь, наверняка на него обращают внимание. Я уже собираюсь направиться в другую половину зала, когда меня останавливают громкоговорители. Присяга. Я вздыхаю и поворачиваюсь к возвышению, где Анден уже занял свое место.

– Я приношу клятву верности флагу Американской Республики...

Дэй. Вот он.

Он стоит футах в пятидесяти спиной ко мне, и я вижу лишь малую часть его лица; распущенные густые волосы лежат абсолютно прямыми прядями, под руку его держит девица в сверкающем золотом платье. Я приглядываюсь и тут замечаю, что его губы совершенно неподвижны. Он стоит молча на протяжении всей присяги. Тут в зале гремят аплодисменты, и Анден приступает к заготовленной речи, и я переключаю внимание на него. Краем глаза я замечаю, как Дэй поворачивается и бросает взгляд через плечо. Мои руки начинают дрожать, когда я на миг вижу его лицо, – неужели я и в самом деле забыла, как он красив, как в его глазах мечется что-то дикое и неприрученное – свободное даже среди такого порядка и элегантности?

Когда речь заканчивается, я иду прямо к Дэю. На нем идеально пошитый черный костюм с кителем. Неужели он похудел? Кажется, со времени нашей последней встречи потерял не меньше десяти фунтов. Он болел в последнее время. Я подхожу ближе, и Дэй, увидев меня, прерывает разговор со своей спутницей. Глаза его раскрываются чуть шире. Я чувствую, как загораются щеки, но гоню ударивший в лицо жар. Это наша первая встреча за много месяцев, и я не хочу выглядеть глупо.

Останавливаюсь в нескольких футах, перевожу глаза на его спутницу, узнаю в девушке Фалин, восемнадцатилетнюю дочку сенатора Федельмы.

Мы с Фалин обмениваемся кивками.

– Привет, Джун. Вы сегодня великолепны, – усмехается она.

Я искренне улыбаюсь ее словам – какое облегчение после фальшивых улыбок, которые приходилось раздавать принцепс-электам.

– И вы, – отвечаю я.

Фалин немедля избавляет всех нас от неловкости – видя слабый румянец на моих щеках, она отвешивает нам поклон и исчезает в толпе, а мы с Дэем остаемся наедине среди моря людей.

Несколько секунд мы только смотрим друг на друга. Я нарушаю молчание, прежде чем оно успеет слишком затянуться:

– Привет. Рада тебя видеть.

Я рассматриваю его лицо, освежая в памяти каждую мельчайшую черточку.

Дэй улыбается в ответ и наклоняет голову, ни на мгновение не сводя с меня глаз. От его взгляда в груди разгорается пожар.

– Спасибо за приглашение.

Услышав снова этот голос... я набираю полные легкие воздуха и напоминаю себе, зачем пригласила его. Дэй вглядывается в мое лицо, рассматривает мое платье – он, кажется, готов высказаться на сей счет, но вдруг передумывает и обводит рукой приглашенных:

– Миленькая компания тут собралась.

– Ну, на вид все гораздо благообразнее, чем на самом деле, – отвечаю я, понизив голос, чтобы не слышали другие. – Думаю, некоторых сенаторов едва не разрывает от необходимости говорить с людьми, которых они ненавидят.

Мое ироничное замечание отражается на губах Дэя едва заметной улыбкой облегчения:

– Значит, я, к моей радости, тут не единственный несчастный.

Анден уже покинул трибуну, и слова Дэя напоминают: вскоре я поведу его на банкет. Это отрезвляет меня.

– Нам пора, – говорю я, жестом приглашая его следовать за мной. – Банкет будет для очень узкого круга. Ты, я, другие принцепс-электы, Президент.

– Так что происходит? – спрашивает Дэй, шагая рядом.

Его локоть касается моего, отчего мурашки бегут по коже. Я с трудом перевожу дыхание. Сосредоточься, Джун.

– Во время нашего последнего разговора ты избегала всякой конкретики. Надеюсь, я толкусь среди этого снобистского сброда ради чего-то действительно важного.

Не могу скрыть улыбки, слыша отзыв Дэя о сенаторах.

– Ты все узнаешь на месте. И сведи свои оскорбления к минимуму.

Я отворачиваюсь от него и смотрю в сторону небольшого коридора. Мы направляемся в Яшмовую палату, куда ведет скромный проход, ответвляющийся от главного зала.

– И то, что я узнаю, мне не понравится? – шепчет Дэй мне в ухо.

Меня охватывает чувство вины.

– Наверное, не понравится.

В банкетном зале мы садимся за небольшой прямоугольный стол вишневого дерева с семью стульями, и вскоре появляются Серж и Мариана. Они устраиваются по обе стороны от места, предназначенного для Андена. Как и просил Анден, я остаюсь рядом с Дэем. Два официанта обходят стол, расставляя изящные тарелки с салатом из арбуза и свинины. Серж и Мариана ведут между собой светскую беседу, а мы с Дэем как воды в рот набрали. Время от времени я украдкой кидаю на него взгляд. Насупившись, он изучает ряды вилок, ложек и ножей перед собой – пытается понять, в какой очередности ими пользоваться. Ах, Дэй. Не знаю почему, когда смотрю на тебя, в желудке мучительно посасывает. Или почему мое сердце тянется к тебе. Я забыла, как в твоих длинных ресницах путается свет.

– Что это? – шепотом спрашивает он, беря один из приборов.

– Нож для масла.

Дэй хмурится, проводит пальцем по тупой закругленной кромке.

– Это не нож, – едва слышно произносит он.

Серж, сидящий рядом, тоже замечает его неуверенность.

– Я вижу, вы не приучены к ножам и вилкам. Где вас воспитывали? – холодно спрашивает он.

Дэй напрягается, но с ответом не медлит. Он хватает острый нож покрупнее, намеренно нарушая сервировку, и картинно им поигрывает. Серж и Мариана разом отодвигаются от стола.

– Там, где меня воспитывали, больше заботятся о практичности, – отвечает он. – Таким вот ножом можно и еду накромять, и масло намазать, и горло перерезать.

Дэй, конечно, никому горла не перерезал, но Серж этого не знает. Он презрительно фыркает, но я вижу, что кровь отхлынула от его лица. Мне приходится разыграть приступ кашля, чтобы не рассмеяться при виде напускной серьезности на лице Дэя. Тех, кто его не знает, такие слова и правда могут испугать.

А еще я обращаю внимание на то, чего не заметила раньше, – Дэй побледнел. Стал гораздо бледнее, чем прежде. Веселость разом слетает с меня. Не серьезнее ли его болезнь, чем я думала?

Минуту спустя появляется Анден, и все мы привычно встаем. Он жестом просит всех сесть. Его сопровождают четверо военных, один из которых закрывает за ним дверь, отрезая нас от внешнего мира.

– Дэй, – произносит Президент, почтительно кивая.

Дэю такое внимание не доставляет удовольствия, но он заставляет себя ответить на приветствие.

– Рад снова вас видеть, пусть и не при лучших обстоятельствах, – говорит Анден.

– Далекое не лучших, – отвечает Дэй.

Я неловко ерзаю на стуле, пытаюсь представить себе более неудачный сценарий, чем предвещает этот званый банкет.

Анден не реагирует на хлесткое замечание.

– Позвольте мне ввести вас в курс нынешней ситуации. – Он кладет вилку. – Мирный договор, над которым мы работали вместе с Колониями, теперь положен на полку. Прифронтовые южные города Колоний поразил губительный вирус.

Дэй складывает руки на груди и подозрительно всех оглядывает, но Анден продолжает:

– По их мнению, вирус запустили мы. Пока мы не предоставим сыворотку, Колонии отказываются вести дальнейшие переговоры.

Серж откашливается, собираясь что-то сказать, но Анден жестом призывает его к молчанию, а затем сообщает подробности: сначала Колонии прислали письмо, требуя информации о вирусе, который сеет смерть в их войсках. Они спешно вывели с линии фронта заболевших, после чего объявили ультиматум фронтовым генералам: последствия будут катастрофическими, если им немедленно не передадут лекарство.

Дэй слушает молча, с бесстрастным лицом. Одной рукой он сжимает край стола так, что даже костяшки пальцев у него белеют. Я спрашиваю себя, догадался ли он, к чему клонит Анден и какое отношение все это имеет к нему. Так или иначе, он просто ждет, когда Президент договорит.

Серж откидывается на спинку стула и хмурит лоб.

– Если Колонии так относятся к нашим мирным инициативам, – презрительно фыркает он, – пусть. Мы долго воевали, можем и еще повоевать.

– Нет, не можем, – возражает Мариана. – ООН возмутится, узнав, что наш мирный договор идет коту под хвост. Если вы искренне верите, будто мы в силах повоевать еще, то вы ошибаетесь.

– У Колоний есть свидетельства? Или их обвинения бездоказательны?

– Именно так. Если они думают, будто мы...

И тут неожиданно берет слово Дэй, взгляд его обращен на Андена.

– Давайте не будем тянуть резину. Скажите, зачем вам понадобился я.

Говорит он негромко, но его зловещий тон заставляет всех остальных замолчать. Анден отвечает ему не менее мрачным взглядом. Он делает глубокий вдох.

– Дэй, я полагаю, случившееся – следствие экспериментов моего отца с биооружием. Созданный им вирус образовался в крови вашего брата.

– И? – прищуривается Дэй.

У Андена, кажется, нет никакого желания продолжать разговор.

– Есть масса причин, по которым я не пригласил на банкет всех сенаторов. – Он подается вперед, понижает голос, смиренно смотрит на Дэя. – Я пока не хочу никого выслушивать. Я хочу выслушать вас. Вы, Дэй, сердце народа, вы всегда им были. Вы отдали все, чтобы защитить людей.

Я чувствую, как рядом напрягается тело Дэя.

– Я боюсь за наших граждан. Что с ними станет, если мы вдруг предадим их врагу как раз в тот момент, когда страна начинает приходить в себя? – Он понижает голос: – Мне придется принять непростые решения.

– Какие решения? – вскидывает бровь Дэй.

– Колониям отчаянно нужна сыворотка. Чтобы добыть ее, они готовы уничтожить нас, уничтожить все, что вам и мне дорого. Единственный шанс получить сыворотку – это поместить Идена во временное...

Дэй отталкивает стул и встает.

– Нет, – говорит он ровным ледяным тоном.

Я прекрасно помню наш с Дэем давний жаркий спор, а потому слышу скрытую ярость за его спокойствием. Не сказав больше ни слова, он разворачивается и идет прочь.

Серж выбирается из-за стола явно для того, чтобы отчитать Дэя за грубость, но Анден предостерегающе смотрит на него и жестом приказывает сесть, потом поворачивается ко мне и просит взглядом: «Поговорите с ним. Пожалуйста».

Я смотрю вслед Дэйю. У него есть все основания отказаться, все основания ненавидеть нас за эту просьбу. Но все же я поднимаюсь со стула и бросаюсь за ним:

– Дэй, постой...

Эти слова – мучительное напоминание о нашем прощании, когда мы в последний раз были наедине в моей комнате.

Мы выходим в маленький коридор, ведущий в главный зал. Дэй не оборачивается, но, кажется, замедляет шаг, позволяя мне поравняться с ним. Я догоняю его, перевожу дыхание:

– Слушай, я знаю...

Дэй прижимает палец к губам, я замолкаю, он берет меня за руку. Сквозь ткань перчатки я чувствую его тепло. Ощущать его пальцы на моих после стольких месяцев разлуки – настоящее потрясение, я даже не могу вспомнить конца предложения, которое собиралась произнести. Все в Дэе: его прикосновение, его близость – так мне необходимы.

– Поговорим наедине, – шепчет он.

Мы направляемся к одной из дверей в коридоре, закрываем ее за собой, щелкаем замком. Я внимательно осматриваю комнату (приватная столовая, свет погашен, один круглый стол и двенадцать стульев – все под белыми покрывалами, – в дальней стене единственное большое арочное окно, сквозь которое внутрь проникают лунные лучи). Волосы Дэя преобразуются в серебряный водопад. Он поворачивается ко мне.

То ли мое воображение разыгралось, то ли краткое соприкосновение наших рук привело его в такое же волнение, что и меня. Внезапно я ощущаю, как тесно мне платье, как прохладен воздух на обнаженных плечах и ключицах, как тяжелы парча и драгоценные камни. Глаза Дэя останавливаются на рубиновом кулоне на впадинке моей шеи. Его прощальный подарок. В полутьме я вижу, как чуть розовеют его щеки.

– Так вот зачем я здесь? – говорит он.

Несмотря на ожесточение в голосе, его прямота подобна приятному свежему ветерку после долгих месяцев осторожных политических разговоров. Я хочу надыхаться его словами.

– Колонии отказываются принять любые другие условия, – отвечаю я. – Они убеждены, что у нас есть сыворотка против вируса, и, возможно, Иден – единственный человек, чей организм умеет сопротивляться болезни. Республика уже тестирует других... подвергшихся эксперименту... ищет тех, чей организм выработал такую же способность.

Дэй ежится, потом складывает руки на груди и мрачно смотрит на меня.

– Уже тестирует, – бормочет он, глядя на залитые лунным светом окна. – Извини, но эта идея не вызывает у меня энтузиазма.

На секунду я закрываю глаза.

– У нас мало времени, – признаю я. – Каждый очередной день без сыворотки озлобляет Колонии.

– А что будет, если мы ничего им не дадим?

– Ты знаешь, что будет. Война.

В глазах Дэя появляется огонек страха, но все же он пожимает плечами:

– Республика и Колонии вечно воюют друг с другом. Чем новая война будет отличаться от старой?

– На этот раз они победят, – шепчу я. – У них появился сильный союзник. Колонии понимают, что мы уязвимы во время переходного периода, когда власть нового Президента еще не упрочилась. Если не передадим им сыворотку, у нас нет ни малейшего шанса. Помнишь, что мы видели в Колониях?

Дэй молчит лишь мгновение. По его лицу я вижу, какая кипит в нем борьба. Наконец он вздыхает и в ярости сжимает губы.

– Ты думаешь, я позволю Республике снова забрать Идена? Если Президент так считает, значит я совершил большую ошибку, поддержав его. Я встал на его сторону не для того, чтобы он снова запер Идена в лаборатории.

– Извини. Он не должен был просить тебя об этом.

Бесполезно объяснять, что Андену тоже претит сложившаяся ситуация.

– Он просил тебя поговорить со мной? Но ты ведь возражала? Уж ты-то понимаешь, как все это выглядит. – В его голосе слышится все больше раздражения. – Ты знала, каков будет мой ответ. Почему же все равно просила меня приехать?

Я заглядываю в его глаза и говорю первые слова, какие приходят мне в голову:

– Потому что хотела тебя увидеть. Разве не по той же причине согласился приехать ты?

Мое признание заставляет его на секунду задуматься. Потом он разворачивается, запуская обе руки в волосы и вздыхает:

– Тогда я хочу знать твое мнение. Скажи правду. О чем бы ты меня попросила, если бы на тебя абсолютно никто в этой стране не давил?

Я завожу выбившуюся прядь волос за ухо. Успокойся, Джун.

– Я бы...

Что сказать? Логически я согласна с оценкой, которую дал ситуации Анден. Если Колонии сделают то, чем угрожают, – если атакуют нас, используя всю мощь супердержавы-союзника, – мы потеряем множество невинных жизней, не решившись рискнуть одной. Более простого выбора просто не существует. И потом, мы обеспечим Идену максимальную безопасность, лучших докторов и физический комфорт. Дэй сможет присутствовать при всех процедурах, видеть, что происходит. Но как просить о таком человека, который потерял почти всю семью? Который знает, что над его братом ставили эксперименты? Человека, над которым тоже ставили эксперименты? Этого Анден не понимает так, как понимаю я, и хотя он изучил досье Дэя, самого Дэя он не знает, он не проделал с ним путь, какой проделала я, не видел его страданий. Вопрос слишком сложный, чтобы дать однозначный ответ, основываясь на одной только логике.

И самое главное: Анден не может гарантировать Дэю безопасность его брата. Все процедуры сопряжены с риском, и я абсолютно уверена: никакая сила в мире не заставит Дэя пойти на него.

Дэй наверняка видит на моем лице отчаяние, потому что смягчается и делает шаг ко мне. Я ощущаю его жар, тепло его близости, от которого перехватывает дыхание.

– Я приехал из-за тебя, – говорит он тихо. – Ничто не убедило бы меня лететь – только твое желание увидеться. Я не смог отвергнуть твою просьбу. Мне сказали, ты лично...

Он сглатывает слюну. Я узнаю борьбу эмоций на его лице, и тоскливое чувство поселяется внутри. Его разрывает между желанием вернуть наши прежние отношения и болью осознания того, что он питает страсть к девушке, которая погубила его семью.

– Я так рад тебя видеть, Джун.

С последней фразой он будто сбрасывает с плеч тяжелый груз. Не знаю, слышит ли он, как бешено стучит мое сердце, но голос мой звучит ровно и спокойно:

– Ты здоров? Я смотрю, ты бледный.

Его взгляд тяжелеет, и близость, возникшая на краткий миг, исчезает – Дэй отходит от меня и принимается теревить перчатку. Он никогда не любил перчатки.

– В последние две недели у меня был сильный грипп, – отвечает он, сверкнув мимолетной улыбкой. – Но мне уже лучше.

Его взгляд отведен в сторону, пальцы почесывают мочку уха, руки напряжены, улыбка и слова чуть рассогласованы во времени. Я наклоняю голову и хмурюсь.

– Ты никогда не умел лгать, Дэй, – говорю я. – Почему бы просто не рассказать, что у тебя на уме?

– Да что тут рассказывать, – автоматически отвечает он, на сей раз опуская глаза в пол и засовывая руки в карманы. – Если у меня нездоровый вид, то причиной тому беспокойство за Идена. Ему уже год как лечат глаза, но он по-прежнему плохо видит. Доктора говорят, ему нужны какие-то особые контактные линзы, но и тогда со зрением будет неважно.

Я знаю: истинная причина изможденного вида Дэя в другом, но он понимает, что, затронув тему выздоровления Идена, пресекает дальнейшие вопросы. Что ж, если не хочет говорить, давить на него я не буду. Я откашливаюсь:

– Ужасно. Больно об этом слышать. А в остальном он как? Ничего?

Дэй кивает. Мы снова погружаемся в молчание, подсвеченное луной. Не могу не вспомнить: в прошлый раз, когда мы были наедине, он взял мое лицо в руки и увидел слезы на моих щеках. Я помню, как он прошептал «Мне жаль», касаясь губами моих губ. Теперь нас разделяют три фута. Мы смотрим друг на друга, и я в полной мере ощущаю расстояние, которое появляется между людьми, когда они долго не видятся, – электрический разряд при встрече и последующая неловкость, какая возникает при общении двух посторонних людей.

Дэй подается ко мне, словно что-то притягивает его. При виде трагической мольбы на его лице, я чувствую, как завязываются узлом внутренности.

«Пожалуйста, ни слова больше, – молят его глаза. – Пожалуйста, не проси отдать моего брата. Я готов сделать для тебя что угодно, только не это».

– Джун, я... – шепчет он.

Вся боль, которую он держит внутри, грозит прорваться наружу дрожью в голосе. Так и не закончив предложения, он вздыхает и наклоняет голову.

– Я не могу согласиться на условия твоего Президента, – угрюмо говорит он. – Я не отдам брата Республике в качестве подопытного. Передай ему, я готов сотрудничать – искать другое решение. Я понимаю, насколько все серьезно, и не хочу поражения Республики. Буду рад помочь найти выход из ситуации. Но без малейшего участия Идена.

На этом наш разговор заканчивается. Дэй кивает мне на прощанье, медлит еще несколько секунд, потом идет к двери. Вдруг я чувствую, как силы уходят, и прислоняюсь к стене. Когда его нет рядом, энергия покидает меня, цвета теряют яркость, серебро лунного света мутнеет. Я в последний раз отмечаю его бледность, изучаю краем глаза его лицо. Он избегает встречаться со мной взглядом. Что-то не так, но он не хочет делиться со мной.

Что я упустила?

Дэй открывает дверь. Поворачивается на пороге, и я вижу, как ожесточаются его черты.

– А если Республика все же попытается отобрать у меня Идена, я быстро настрою народ против Андена – он и глазом не успеет моргнуть, как вспыхнет революция.

С этими словами Дэй выходит из комнаты.

Дэй

Вообще-то, можно было уже привыкнуть к ночным кошмарам.

На сей раз мы с Иденом в госпитале в Сан-Франциско. Доктор подбирает Идену новые очки. По меньшей мере раз в неделю мы приходим в больницу, чтобы проверить зрение Идена, которое медленно улучшается под воздействием лекарств. Сейчас я впервые вижу на лице врача довольную улыбку, обращенную к моему брату. Вероятно, это хороший знак.

Иден поворачивается ко мне, улыбается и надувает грудь, всеми силами демонстрируя радость. Я не могу сдерживать смех.

– Как я тебе? – спрашивает он, показывая на свою грудь колесом.

Глаза по-прежнему странного бледно-фиолетового цвета, и Иден не может сфокусироваться на мне, но я отмечаю, что он распознает стены вокруг и свет, проникающий из окон. Сердце мое радостно бьется. Улучшение.

– Ты похож на одиннадцатилетнюю сову.

С этими словами я подхожу и ерошу ему волосы. Он хихикает и отводит мою руку.

Мы сидим в кабинете вместе, ждем, когда доктор закончит возиться с бумажками. Я смотрю, как Иден складывает листы бумаги в какую-то невиданную конструкцию. Ему приходится низко склоняться над листами, иначе он ничего не видит. Его больные глаза от сосредоточенности скошены к носу, пальцы действуют проворно и уверенно. Мой братишка вечно что-то мастерит.

– Что тут у тебя? – спрашиваю я спустя какое-то время.

Он настолько сосредоточен, даже отвечает не сразу. Наконец, прикрепив к конструкции последний треугольник, он поднимает свое творение и улыбается мне во весь рот.

– Ну-ка. – Он показывает на нечто, похожее на бумажную ленточку, торчащую из бумажного шарика. – Потяни.

Я тяну. К моему удивлению, все сооружение преобразуется в изящную трехмерную розу. Я улыбаюсь ему во сне:

– Здорово!

Иден забирает у меня свое творение.

И тут в госпитале звучит сигнал тревоги. Иден роняет бумажный цветок и вскакивает на ноги. Его слепые глаза широко распахнуты от ужаса. Я смотрю на окна коридора, перед ними собрались доктора и медсестры. Из-за горизонта появляется ряд воздушных Колоний, он неуклонно приближается к Сан-Франциско, к нам. В городе под воздушными пылают десятки пожаров.

Сирена оглушает меня. Я хватаю Идена за руку, и мы бежим из комнаты.

– Нужно выбраться отсюда! – кричу я.

Он спотыкается, потому что не видит, куда мы бежим, и я сажаю его себе на спину. Люди вокруг тоже бегут.

Мы достигаем лестницы, и тут дорогу перегораживают республиканские солдаты. Один из них сдергивает Идена у меня с закорок. Иден кричит, молотит ногами тех, кого не видит. Я пытаюсь высвободиться из хватки военных, но те держат крепко, такое чувство, будто меня погрузили в тягучую топь.

«Он нужен нам, – шепчет в ухо чей-то незнакомый голос. – Он может спасти всех нас».

Я громко кричу, но меня никто не слышит. Воздушные Колонии обстреливают больницу. Вокруг нас бьется стекло. Я ощущаю жар пламени. На полу лежит бумажный цветок Идена, его края уже схвачены огнем. Я больше не вижу брата.

Его нет. Он мертв.

Пульсирующая головная боль вырывает меня из сна. Солдаты исчезают, сирена смолкает, белый хаос госпиталя сменяется темно-синей тишиной нашей спальни. Я пытаюсь глубоко вдохнуть, оглядываю комнату в поисках Идена, но болезнь вонзает в затылок ледяную иглу, и я подпрыгиваю от боли. Теперь я вспоминаю, где нахожусь – в нашей временной квартире в Денвере, сейчас утро после встречи с Джун. На прикроватной тумбочке стоит коробка узла связи, все еще настроенная на волну, которой, как я думал, пользуются Патриоты.

– Дэниел?

На соседней кровати просыпается Иден. Я облегченно вздыхаю: всего лишь ночной кошмар. Как всегда.

– Ты не заболел?

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять: рассвет еще не наступил – спальня погружена в темноту, и я вижу только силуэт брата на сине-черном фоне ночи. Еще один приступ боли пронзает голову.

– Принеси мне лекарство, – говорю я Идену.

– Позвать Люси?

– Нет, не буди ее.

Люси и так уже две ночи из-за меня не спала.

– Лекарство!

От боли я становлюсь грубее обычного, но Иден выскакивает из постели, прежде чем я успеваю извиниться. Он тут же принимается шарить в поисках пузырька с зелеными таблетками – он стоит на тумбочке между нашими кроватями. Находит его и протягивает на мой голос.

– Спасибо.

Я беру пузырек, высыпаю трясущимися руками на ладонь три таблетки и пытаюсь их проглотить. В горле слишком сухо. Я с трудом поднимаюсь с кровати и плетусь к кухне. За спиной снова раздается голос Идена:

– Ты уверен, что не заболел?

Но из-за боли я его едва слышу. И почти ничего не вижу.

Дохожу до раковины, набираю воду в ладонь и запиваю таблетки. Потом в темноте соскальзываю на пол, прислоняюсь головой к стенке холодильника.

«Все в порядке», – утешаю я себя.

За прошедший год головные боли усилились, но доктора заверили меня, что приступы будут длиться не больше получаса. Они, конечно, добавили: если приступ будет совершенно невыносим, немедленно вызывайте «скорую». И потому каждый раз, когда начинается приступ, я спрашиваю себя – обычный он или настал последний день моей жизни?

Несколько минут спустя Иден приходит в кухню с включенным ходомером – прибор пикает, когда Иден приближается к стене.

– Может, попросить Люси вызвать доктора? – шепчет он.

Не знаю почему, но при виде Идена, ощупью пробирающегося в кухню, меня внезапно распирает беззвучный смех.

– Братишка, ты только посмотри на нас. – Смех переходит в кашель. – Инвалидная команда.

Иден находит меня и осторожно кладет руку на мою голову, садится рядом, скрестив ноги, и иронически усмехается:

– Слушай, у тебя металлическая нога и полмозга, а у меня четыре чувства восприятия вместо пяти – вдвоем мы один почти нормальный человек.

Я смеюсь пуще прежнего, отчего боль в голове становится гораздо сильнее.

– Где ты успел набраться сарказма, мальчик? – Я дружески подталкиваю его.

Следующий час мы сидим, ссутулившись, в молчании, а приступ не проходит. Я уже корчусь от боли. Пот пропитывает рубашку, по лицу струятся слезы. Иден все время держит мою руку в своих ручонках.

– Постарайся не думать об этом, – говорит он вполголоса, щурясь на меня своими бледно-фиолетовыми глазами.

Он сдвигает очки в черной проволочной оправе на кончик носа. Осколки ночного кошмара возвращаются, я вспоминаю, как его руку выдергивают из моей. Его крики. Я сильно сжимаю его пальцы – он даже морщится.

– Не забывай дышать. Доктор всегда говорит: глубокое дыхание помогает. Вдох, выдох.

Я закрываю глаза и пытаюсь следовать советам брата, но в голове колотит молот, и я едва слышу Идена. Боль невыносима, она поглощает меня целиком, раскаленный нож раз за разом вонзается в затылок. Вдох, выдох. Вот что я чувствую – сначала тупую, вызывающую оцепенение боль, затем на мгновение она становится абсолютно нестерпима, словно мне прокалывают голову, отчего все тело немеет. Длится это секунды три, затем наступает краткий миг облегчения. А потом все повторяется сначала.

– Сколько это уже продолжается? – натужно выдыхаю я.

Тускло-синий свет сочится из окон.

Иден вытаскивает крохотный квадратный компьютер и нажимает единственную кнопку.

– Время? – спрашивает он.

Прибор незамедлительно отвечает: «Ноль пять тридцать». Иден убирает комп, на его лице появляется озабоченность.

– Прошел почти час. У тебя раньше случались такие долгие приступы?

Я умираю. Я действительно умираю. Вот в такие минуты я и радуюсь, что мы почти не встречаемся с Джун. Мысль о том, что она увидит меня, потного и грязного, на кухонном полу, увидит, как я, словно последний слабак, сжимаю руку младшего брата, цепляясь за нее, как за саму жизнь... А она бесподобна в своем алом платье и драгоценных камнях... По правде сказать, мне даже легче оттого, что мама и Джон не могут меня видеть.

Когда я издаю стон от очередного мучительного укола, Иден снова вытаскивает комп и нажимает кнопку.

– Все. Я вызываю врача. – Когда комп пикает, подсказывая Идену, что ждет его команды, Иден говорит: – Дэю нужна «скорая помощь».

Потом, прежде чем я успеваю возразить, он громко зовет Люси.

Проходит несколько секунд, и я слышу ее шаги. Она не включает свет – знает: от этого мне станет только хуже. Я вижу ее крупную фигуру в полутьме, слышу ее восклицание:

– Дэй, давно вы здесь?

Она подбегает и прижимает пухлую ладонь к моей щеке. Потом смотрит на Идена, берет его за подбородок.

– Ты вызвал «скорую»?

Иден кивает. Люси снова трогает мое лицо, потом неодобрительно и обеспокоенно цокает языком и уходит за влажным полотенцем.

Меньше всего хочется мне оказаться в республиканском госпитале, но Иден уже вызвал врача, а умирать я не готов. Зрение мутится, и я понимаю, что причина тому – слезы, остановить их я не в состоянии. Я провожу рукой по лицу и слабо улыбаюсь Идену:

– Черт, из меня течет, как из прохудившегося ведра.

Иден пытается улыбнуться в ответ.

– Да, случались у тебя деньки и получше, – отвечает он.

– Слушай, братишка, помнишь, Джон поручил тебе полить цветочки у нас во дворе?

Иден хмурится на секунду, вспоминая, а потом улыбка освещает его лицо.

– Ух, тогда я хорошо поработал!

– Ты тогда построил перед дверью такую маленькую катапульту. – Я закрываю глаза и погружаюсь в воспоминания, на время отвлекаясь от боли. – Да-да, я ее помню. А потом ты принялся обстреливать несчастные цветочки шариками с водой. На них осталось хоть по лепестку после твоей артиллерийской операции? Джон был зол как тысяча чертей!

Даже еще злее, ведь Идену тогда было всего четыре, а как наказать такого маленького большеглазого брата?

Иден хихикает. Я морщусь – очередной гвоздь вдалбливается мне в затылок.

– Помнишь, что о нас говорила мама? – спрашивает он.

Понимаю: он пытается занять меня чем-нибудь.

Я натужно улыбаюсь:

– Мама говорила: иметь троих сыновей – все равно что держать дома прирученный смерч, который еще и дерзит.

Мы смеемся несколько секунд, пока я снова не зажимаю глаза.

Люси возвращается с полотенцем. Она прижимает его к моему лбу, и я облегченно вздыхаю, ощущая кожей прохладу. Она проверяет мой пульс, меряет температуру.

Иден, пока Люси занимается мной, подползает поближе, его глаза устремляются в точку чуть правее моей головы.

– Дэниел, ты только не сдавайся, – просит он.

Люси кидает на него хмурый взгляд:

– Иден, давай-ка побольше оптимизма.

В горле у меня образуется комок, дыхание учащается. Джон мертв. Мама мертва. Папа мертв. Я смотрю на Идена с тяжелым чувством. Прежде я надеялся, что, поскольку он младший, ему удастся научиться на наших с Джоном ошибках и добиться успехов, может быть, поступить в колледж или зарабатывать хорошие деньги механиком. Я надеялся, мы сможем помогать ему в трудные времена. Что будет с ним, если умру и я? Как он один сможет противостоять Республике?

– Иден, – шепчу я, подтягивая брата к себе.

Он раскрывает глаза шире, слыша мой взволнованный голос.

– Слушай меня внимательно. Если кто-нибудь от Республики когда-либо попросит тебя пойти с ним, если меня не будет дома, если меня положат в больницу и кто-то постучит в дверь, не ходи. Ты меня понял? Свяжись со мной, позови Люси. А вы... – Я задумываюсь на секунду. – Обратитесь за помощью к Джун Айпэрис.

– Твоему принцепс-электу?

– Она не моя... – Я морщусь от очередного приступа. – Сделайте это. Свяжитесь с ней. Скажите, чтобы она их остановила.

– Не понимаю...

– Обещай мне не уходить с ними, сопротивляйся всеми средствами. Ясно?

Боль обрывает меня на полуслове, я падаю на пол, сворачиваюсь в плотный шар. Я кричу – моя голова чуть не раскалывается на две части. Я даже прикасаюсь дрожащей рукой к затылку, чтобы убедиться, что мозг не вытекает наружу. Где-то надо мной плачет Иден. Люси еще раз вызывает доктора, теперь уже срочно.

– Поспешите! – кричит она. – Быстрее!

Когда появляются врачи, я то теряю сознание, то возвращаюсь к жизни. Сквозь облако тумана и мглы я чувствую, как меня поднимают с кухонного пола и переносят в машину «скорой», замаскированную под обычный полицейский джип. Кажется, идет снег. На лицо падает несколько снежинок, и холодные иголки на щеках потрясают меня. Я зову Идена и Люси – они откуда-то отвечают, но я их не вижу.

Мы в машине, она трогается с места.

Долгое время только цветные пятна и размытые круги двигаются перед моими глазами, я словно смотрю через толстое кривое стекло. Пытаюсь опознать некоторые из них. Может быть, это люди? Черт побери, очень надеюсь, иначе я, наверное, уже умер или плыву в океане, а вокруг меня – обломки, мусор. Но это лишено смысла, если только доктора не решили бросить меня в Тихий океан и забыть. Где Иден? Вероятно, его забрали. Как в том кошмарном сне. Они увели его в лабораторию.

Я не могу дышать.

Пытаюсь дотянуться руками до горла, но тут раздается чей-то крик, и я чувствую, как мои руки встречают сопротивление, их удерживают. В горло проникает что-то холодное, душит меня.

– Успокойтесь! Все в порядке. Попробуйте сглотнуть.

Я делаю, что велит голос. Глотать труднее, чем я предполагал, но наконец мне удается, ледяная штука двигается по пищеводу в желудок, и я чувствую, как холод пронизывает меня до мозга костей.

– Ну вот, – говорит голос теперь уже не так взволнованно. – Думаю, это поможет справиться с головными болями в будущем.

Видимо, он говорит уже не со мной, а секунду спустя раздается другой голос:

– Кажется, немного действует, доктор.

Потом я, вероятно, теряю сознание – снова придя в себя, вижу на потолке незнакомый рисунок; в комнату проникает предвечерний свет. Я моргаю и осматриваюсь. Невыносимая головная боль прошла, по крайней мере, теперь я ничего не чувствую. Зрение достаточно четкое, чтобы разобрать: я в больничной палате, на стене вездесущий портрет Андена, на другой – телевизионный экран, идут новости. Я со стоном закрываю глаза и вздыхаю. Дурацкие больницы. Как я от них устал.

«Пациент пришел в себя».

Я поворачиваю голову и вижу монитор, повторяющий эту фразу. Секунду спустя слышу из громкоговорителя человеческий голос:

– Мистер Уинг?

– Да, – отвечаю я.

– Отлично. Сейчас к вам придет ваш брат.

Тут же дверь распахивается, и вбегает Иден в сопровождении двух рассерженных медсестер.

– Дэниел! Наконец-то ты пришел в себя! Долго же длился приступ.

Слепота подводит его – он ударяется об угол шкафчика, а я не успеваю предупредить его. Медсестра подхватывает его на руки, спасая от падения.

– Осторожнее, малыш, – громко говорю я.

Мой голос звучит устало, хотя я в ясном сознании и не чувствую боли.

– Давно я тут валяюсь? Где...

Я замолкаю, смешавшись на секунду. Странно. Как зовут нашу экономку? Напрягаю память. Люси.

– ...где Люси?

Отвечает он не сразу. Когда медсестры наконец сажают Идена на кровать, он подползает поближе ко мне, обнимает за шею. Потрясенный, я понимаю, что он плачет.

– Эй! – Я глажу его по голове. – Успокойся, все в порядке. Я очнулся.

– Я думал, ты не выживешь, – всхлипывает он; его бледные глаза находят мои. – Я думал, ты умер.

– Ну видишь, не умер же. Вот он я.

Я даю ему выплакаться. Иден лежит, уткнувшись мне в грудь, его слезы заливают очки, остаются мокрыми пятнами на моей больничной одежде. Недавно я стал пользоваться таким

приемом: я будто бы прячусь в раковину своего сердца, затем вылезаю из тела, словно меня и нет там, и смотрю на мир глазами другого человека. Иден – не мой брат. Его в реальности даже не существует. В реальности ничего не существует. Все – сплошная иллюзия. Это помогает. Я бесстрастно жду, когда Иден перестанет плакать, а потом возвращаюсь в собственное тело.

Наконец он оттирает слезы, садится и устраивается рядом со мной.

– Люси готовит документы. – Голос его все еще подрагивает. – Ты был без сознания десять часов. Пришлось тебя выносить из здания через центральный вход – не было времени сделать это незаметно.

– Кто-нибудь видел?

Иден трет виски, пытаюсь вспомнить.

– Может быть. Не знаю. Не помню – у меня было другое на уме. Я все утро ждал, внутрь меня не впускали.

– Ты знаешь... – Я глотаю слюну. – Доктора что-нибудь говорили?

Иден облегченно вздыхает.

– Да нет. По крайней мере, ты теперь пришел в себя. Врачи сказали, у тебя плохая реакция на то лекарство, что тебе прописали. Они дают тебе другое.

От слов Идена мое сердце бьется чаще. Он не знает толком ситуации, думает, будто я потерял сознание не из-за прогрессирующего недуга, а от таблеток. Болезненное, тянущее чувство завязывается в животе. Конечно, Иден смотрит на все оптимистически, конечно, он считает, что ухудшение временное. Я принимал это чертово лекарство два месяца после того, как предыдущие два курса тоже перестали действовать, боли стали чаще, по ночам мучили кошмары, преследовала тошнота. Я уже решил, новые таблетки по меньшей мере приносят какую-то пользу, успешно сужают проблемную зону в моем гиппокампе – заковыристое словечко, которым они называют нижнюю часть мозга. Таблетки явно не дали желаемого эффекта. Что, если все бесполезно?

Я набираю в грудь побольше воздуха и улыбаюсь брату:

– Ну, по крайней мере, теперь ясно, в чем дело. Может быть, на сей раз врачи предложат что-то лучше.

– Да.

Иден улыбается – у него добрая, наивная улыбка.

Несколько минут спустя приходит доктор, а Иден возвращается в коридор. Доктор вполголоса говорит мне о «новом варианте», рассказывает, с какими средствами они могут поэкспериментировать на следующем этапе, а еще тихо сообщает, насколько невелики шансы. Как я и опасался, последний приступ – не временная реакция на конкретное лекарство.

– Медикаментозные средства медленно сужают пораженную зону, – заверяет врач, но выражение его лица остается мрачным. – Однако процессы в ней продолжают развиваться, теперь ваш организм отвергает прежние медикаменты, что вынуждает нас искать новые. Проще говоря, мы пытаемся опередить время, Дэй, стремимся уменьшить новообразование, прежде чем процесс станет необратимым.

Я совершенно невозмутим, слова врача звучат словно из-под воды, они не несут никакого смысла, и я не слушаю.

Наконец я прерываю его:

– Слушайте, скажите откровенно – сколько времени у меня остается? Если никакие средства не помогут.

Доктор вытягивает губы, медлит с ответом, потом вздыхает и отрицательно покачивает головой.

– Месяц, – признает он. – Может быть, два. Мы делаем все возможное.

Месяц или два. Что ж, они и раньше ошибались, а значит, месяц-два могут превратиться в четыре-пять. И все же. Я смотрю на дверь – вдруг Иден прижал ухо к дереву в тщетной попытке подслушать разговор. Я снова обращаю взгляд на доктора и проглатываю комок в горле.

– Два месяца, – повторяю я. – А есть у меня хоть какой-то шанс?

– Мы можем попробовать и более рискованные средства, хотя они имеют побочные эффекты и могут стать роковыми в случае отрицательной реакции организма. Операция, если не подготовиться, скорее всего, просто убьет вас.

Доктор складывает руки на груди. Его очки отражают холодный свет флуоресцентных ламп, точно зеркала, и я совершенно не вижу его глаз. Он похож на машину.

– Я бы рекомендовал вам, Дэй, начать приводить в порядок дела.

– Приводить в порядок дела?

– Подготовить брата. Если есть что незаконченное – закончить.

Джун

На следующее утро после необычного банкета в 08:10 мне звонит Анден.

– Речь о капитане Брайанте, – говорит он. – О его последнем желании. Он хочет увидеться с вами.

Я сижу на краю кровати. Моргаю, прогоняя остатки рваного ночного сна, пытаюсь собраться с силами, чтобы осмыслить слова Андена.

– Завтра мы переводим его в тюрьму в противоположном конце Денвера, чтобы подготовиться к последнему дню. И он спросил, нельзя ли ему перед этим увидеть вас.

– И чего он хочет?

– Он хочет сказать нечто, предназначенное только для ваших ушей, – отвечает Анден. – Имейте в виду, Джун, вы вправе отказаться. Мы не обязаны исполнять его последнее желание.

Завтра Томас умрет. Я спрашиваю себя, не испытывает ли Анден чувства вины, приговорив к смерти солдата. При мысли о встрече с Томасом один на один в камере меня охватывает паника, но я беру себя в руки. Может, Томасу есть что рассказать мне о брате? Хочу ли я выслушать его?

– Я встречу с ним, – соглашаюсь я наконец. – Надеюсь, в последний раз.

Вероятно, Анден уловил какую-то перемену в моем голосе, потому что его тон смягчается:

– Конечно. Я позабочусь о вашем сопровождении.

09:30

Государственная тюрьма Денвера

Тюрьма, в которой содержатся Томас и командер Джеймсон, освещена холодными флуоресцентными лампами, стук каблуков эхом отдается от высокого потолка. Меня сопровождают несколько солдат, но, если не считать нас, помещение кажется пустым и зловещим. На стенах через неравные интервалы висят портреты Андена. Я на ходу изучаю камеры, мимо которых мы проходим, фиксирую подробности, занимаю свой ум, чтобы оставаться спокойной и сосредоточенной. (32 × 32 фута, ровные стальные стены, пуленепробиваемое стекло, камеры наблюдения установлены снаружи, а не внутри. Большинство камер пусты, здесь сейчас лишь трое заключенных – сенаторы, которые участвовали в заговоре. Весь этаж отведен для тех, кто замешан в неудавшемся покушении на Андена.)

– Если возникнут малейшие осложнения, вызывайте нас, – говорит один из солдат, вежливо наклоняя голову. – Этот предатель и шелохнуться не успеет, как ляжет лицом в пол.

– Спасибо, – отвечаю я, не сводя глаз с камеры, к которой мы приближаемся.

Я знаю, мне не придется просить о помощи, потому что Томас ни в коем случае не проявит неподчинения Президенту, попытавшись причинить мне вред. Томаса можно обвинить в чем угодно, но бунтарство совсем не в его характере.

Мы доходим до конца коридора, где расположены по соседству две камеры, у каждой стоит по солдату.

Я поворачиваюсь на движение за ближайшей решеткой и едва успеваю рассмотреть помещение, как женщина внутри хватается за стальные прутья. Я подпрыгиваю, проглатываю крик, готовый вырваться из гортани, и вижу командера Джеймсон.

Она впивается в меня взглядом, от ее улыбки меня бросает в холодный пот. Я помню – так же она улыбалась в ночь убийства Метиаса, когда принимала меня младшим агентом в патрульную службу. Я не испытываю никаких эмоций – ни сострадания, ни даже гнева. Я не робкого десятка, но холодное, безжалостное лицо истинного убийцы брата пугает меня.

– Ой-ой, кажется, сама Айпэрис пришла на нас посмотреть, – говорит она, сверкая глазами.

Солдаты смыкаются вокруг меня. «Не бойся», – говорю я себе. Я расправляю плечи, выпрямляюсь, сжимаю челюсти и заставляю себя смерить Джеймсон бесстрастным взглядом.

– Вы отнимаете мое время, командер, – чеканю я. – Я здесь не из-за вас. В следующий раз я на вас посмотрю, когда вы будете стоять перед расстрельным взводом.

Она улыбается в ответ:

– Ах, какая ты смелая, когда у тебя за спиной стоит твой красавчик Президент.

Я прищуриваюсь, а она смеется:

– Командер Десото был бы Президентом куда лучше этого мальчишки. Когда Колонии нанесут удар, здесь останется только выжженная земля. Народ пожалеет, что поддержал сопляка.

Она прижимается к решетке, словно хочет быть как можно ближе ко мне. Я с трудом проглатываю ком в горле, но даже сквозь страх в груди закипает ярость. Я не отворачиваюсь. Странно, но меня вдруг приводят в замешательство блестящие тени на веках Джеймсон, нелепо контрастирующие с ее фальшивой улыбкой.

– Ты ходила у меня в любимчиках. Знаешь, почему я так хотела заполучить тебя в свой патруль? Я видела в тебе свое отражение. Мы с тобой похожи – ты и я. По совокупности заслуг я тоже могла бы стать принцепсом.

Руки покрываются мурашками. В голове вспыхивает воспоминание о ночи убийства Метиаса, когда командер Джеймсон провела меня туда, где лежало тело брата.

– Жаль, не сложилось, – отрезаю я.

На сей раз в моих словах изрядная доля яда: надеюсь, ее расстреляют без излишних церемоний, как и Рейзора.

Командер Джеймсон только смеется в ответ. Ее глаза широко распахиваются.

– Ты там поосторожнее, Айпэрис, – шепчет она. – Как бы тебя не постигла моя участь.

От ее слов мороз по коже, я наконец отрываю от нее взгляд. Солдаты, охраняющие камеру Джеймсон, смотрят перед собой. Я двигаюсь дальше. За спиной все еще слышится ее тихий низкий смех. Сердце колотится в моей груди.

Томаса содержат в прямоугольной камере с такими толстыми стеклянными стенами, что не слышно происходящего внутри. Жду у двери, успокаивая себя после столкновения с командером Джеймсон. Мне вдруг приходит в голову, что не нужно было приходить сюда, что стоило отказать Томасу в последней просьбе. Может, так было бы лучше.

И все же, если я сейчас развернусь, придется снова столкнуться с командером Джеймсон. А я к этому пока не готова – пусть пройдет немного времени. С этой мыслью я делаю глубокий вдох и шагаю к двери со стальной решеткой. Охранник открывает ее, впускает меня, а потом запирает за мной дверь. Мои шаги эхом разносятся по маленькому пустому помещению.

Томас встает, звякнув цепью. Таким растрепанным я его еще не видела, но знаю, будь руки у него свободны, он бы выгладил помятую форму и расчесал непослушные волосы. Томас щелкает каблуками и, пока я прошу его оставить официоз, не сводит с меня взгляда.

– Рад вас видеть, принцепс-элект, – говорит он.

Мне кажется или на его серьезном лице и в самом деле лежит тень печали?

– Спасибо, что откликнулись на мою последнюю просьбу. Совсем скоро вы избавитесь от меня навсегда.

Я качаю головой, злюсь на себя: неколебимая верность Томаса Республике откликается во мне призрачным сочувствием, несмотря на все его преступления.

– Садитесь, как вам будет удобно, – говорю я ему.

Он подчиняется, не промедлив ни секунды, и мы одновременно опускаемся на холодный пол. Он прислоняется к стене, я усаживаюсь, подогнув под себя ноги. Некоторое время мы молчим, неловкая тишина затягивается.

Я заговариваю первой:

– Вам больше ни к чему проявлять лояльность Республике. Можете оставить это в прошлом.

– Долг солдата – хранить верность Республике до самого конца, а я все еще солдат, – мотает головой Томас. – И останусь солдатом до самой смерти.

Не знаю почему, но мысль о его казни отзывается в моем сердце множеством странных эмоций. Счастье, облегчение, злость, печаль.

– Зачем вы хотели меня видеть? – наконец спрашиваю я.

– Миз Айпэрис, прежде чем наступит завтра... – Голос Томаса на секунду смолкает. – Я хочу во всех подробностях рассказать о последних часах жизни Метиаса, о том, что случилось в тот вечер в госпитале. Я просто чувствую... чувствую, таков мой долг перед вами. Если кто и должен знать, так только вы.

Сердце мое бьется все чаще. Готова ли я пережить те события снова... нужно ли мне выслушивать его сейчас? Метиас мертв, и подробности гибели брата не помогут мне его вернуть. Ловлю себя на том, что отвечаю на взгляд Томаса спокойным ровным взглядом. Его долг передо мной. Но гораздо важнее мой долг перед Метиасом. После расстрела Томаса кто-то должен сохранить память о гибели капитана Айпэриса, о том, как все было на самом деле.

Я медленно усмиряю свое сердце.

– Хорошо. – Мой голос звучит чуть надтреснуто.

– Я помню тот вечер в мельчайших деталях, – тихо говорит Томас.

– Слушаю вас.

И Томас, как послушный солдат, начинает рассказ:

– В день смерти вашего брата меня вызвала командер Джеймсон. Мы были рядом с джипами у входа в госпиталь. Метиас болтал с медсестрой перед главной раздвижной дверью. Я стоял за машинами в некотором отдалении. И тут она меня вызвала.

С каждым словом Томаса тюрьма вокруг нас будто исчезает, а вместо нее появляется сцена из той роковой ночи: госпиталь, военные автомобили и солдаты, темные улицы. Я словно иду рядом с Томасом, вижу все то, что видел он. И теперь по-новому переживаю случившееся.

– Я тихо поприветствовал командера Джеймсон в микрофон. Она не затруднила себя ответом. «Все нужно сделать сегодня, – сказала она. – Если не нанесем удар сейчас, ваш капитан в любой момент предаст Республику. Даже самого Президента. Это прямой приказ, лейтенант Брайант. Заманите капитана Айпэриса в уединенное место. Мне все равно, как вы это сделаете».

Томас смотрит мне в глаза и повторяет:

– Предаст Республику. Я сжал зубы. Я ждал ее приказа с того самого дня, когда узнал о проникновении Метиаса в базу скончавшихся граждан. Утаить что-либо от командера Джеймсон практически невозможно. Я поймал глазами вашего брата у входа. «Да, командер», – прошептал я. «Отлично, – отозвалась она. – Сообщите, когда будете готовы, я уведу ваших людей подальше. Сделайте все быстро и чисто». И тут руки у меня задрожали. Я пытался возражать командеру, но ее голос лишь становился холоднее. «Если вы не подчинитесь приказу, я все сделаю сама. Поверьте, так будет грязнее и никому не понравится. Вам ясно?» Я ответил не сразу. Я смотрел на вашего брата – он пожал руку медсестре, повернулся, поискал меня взглядом, увидел у джипов, помахал, и я кивнул ему, стараясь не прояв-

лять эмоций. «Я вас понял, командер», – ответил я наконец. «У вас все получится, Брайант. И если выполните приказ, считайте, звание капитана у вас в кармане».

Я подошел к Метиасу. Метиас мне улыбнулся: «Что, еще одна долгая ночь? Клянусь, если проторчим тут до рассвета, я пожалуюсь командеру Джеймсон, хоть тут все огнем гори». Я заставил себя улыбнуться. «Будем надеяться, ночь пройдет без происшествий», – сказал я. И моя ложь прошла очень гладко. «Да, будем надеяться, – кивнул Метиас. – По крайней мере, я в хорошей компании». – «И я», – ответил я ему. Взгляд Метиаса замер на мне на мгновение, потом он отвел глаза.

Первые минуты все было спокойно, но потом мальчишка-оборванец из бедного сектора подошел ко входу и заговорил с медсестрой. Он был в жутком виде – земля и кровь на щеках, грязные темные волосы откинута с лица, он сильно хромал. «Можете меня принять, сестренка? – спросил он у медсестры. – Место сегодня еще есть? Я заплачу». Медсестра закончила что-то писать в своем планшете, потом спросила: «Что случилось?» – «Подрался, – ответил парень. – Кажется, меня пырнули ножом». Медсестра посмотрела на вашего брата, и Метиас кивнул двум солдатам. Они подошли и обыскали парня. Забрали у него что-то и пропустили. Парень проковылял внутрь, а я прошептал Метиасу: «Что-то не нравится он мне. Непохоже, чтобы его пырнули ножом – он бы не так двигался». Ваш брат на миг встретился взглядом с парнем. Когда тот исчез за дверьми госпиталя, Метиас шепнул: «Согласен. Присмотри-ка за ним. После смены я хотел бы задать ему пару вопросов».

Здесь Томас замолкает на несколько секунд, вглядывается в мое лицо, словно пытаюсь прочесть разрешение прервать рассказ, но я его не даю. Он набирает полную грудь воздуха и продолжает:

– Мы стояли так близко друг к другу, я даже покраснел. Ваш брат, кажется, тоже что-то почувствовал, и между нами повисло неловкое молчание. Я всегда знал, что его тянет ко мне, но в тот день его влечение казалось особенно сильным. Может быть, дело было в усталости – ваши университетские проделки выбивали Метиаса из колеи, он, обычно такой начальственный, сник, сдулся. Да и я едва мог скрывать под бесстрастной маской, что сердце колотится мне в ребра. «Заманите капитана Айпэриса в уединенное место. Мне все равно, как вы это сделаете». Теперь, пока он так уязвим, у меня есть единственный шанс.

Томас на миг переводит взгляд на свои руки, но не смолкает.

– И вот некоторое время спустя я постучал Метиаса по плечу. «Капитан, – пробормотал я. – Можем мы поговорить минутку наедине?» Метиас моргнул: «Это так срочно?» – «Нет, сэр, – ответил я. – Не очень срочно. Но... я бы хотел, чтобы вы знали». Ваш брат уставился на меня, смешался на мгновение. Потом приказал одному из солдат занять его место у входа, и мы вдвоем направились в тихую темную улочку позади госпиталя. Метиас тут же отбросил формальности: «Что-то случилось, Томас? У тебя неважный вид». Мне не давала покоя единственная мысль: преступление против Республики. Он бы никогда не пошел на это. Мы вместе выросли, вместе учились, сблизились... Я вспомнил приказ командера. Потрогал кинжал, оттягивавший ножны на поясе. «Я в порядке», – заверил я Метиаса. Но ваш брат рассмеялся: «Да ладно. Ты ведь всегда мог говорить со мной начистоту». Расскажи ему, Томас, убеждал я себя. Я знал: я балансирую между прежней жизнью и точкой невозврата. Выдави из себя нужные слова. Пусть он их услышит. Наконец я поднял на него глаза и спросил: «Что между нами происходит?» Улыбка сошла с лица вашего брата. Он погрузился в молчание. Потом сделал шаг назад: «Ты о чем?» – «Вы знаете о чем. О том самом. Все прошедшие годы». Теперь Метиас внимательно вглядывался в мое лицо. Тянулись секунды. «То самое, – он подчеркнул два первых слова, – не может произойти между нами. Ты мой подчиненный». И тогда я спросил: «Но для вас это не пустой звук. Правда, сэр?» Счастливая и одновременно трагическая гримаса появилась на лице Метиаса. Он подался ко мне. Я понял: стена между нами дала трещину. «А для тебя это не пустой звук?» – спросил он.

И опять Томас смолкает. Потом говорит еще тише:

– У меня сердце разрывалось от чувства вины, но отступить было поздно. Я подошел к Метиасу, закрыл глаза и... поцеловал.

Еще одна пауза.

– Ваш брат, как я и предполагал, замер. Мы оба стояли не двигаясь. Наконец мы разъединились, и тяжелая тишина опустилась на нас. Несколько мгновений мне казалось, что я совершил громадную ошибку, неправильно интерпретировал все сигналы последних лет. Или он проник в мой замысел. Подумав так, я испытал странное облегчение. Может, будет лучше, если Метиас поймет, какие планы вынашивает командер Джеймсон. Может, удастся найти выход. Но тут он подался вперед и поцеловал меня, и тогда стена между нами рассыпалась в пыль.

– Стойте, – прерываю я рассказ.

Томас замолкает. Он пытается скрыть эмоции за неким подобием благородства, но стыд на его лице очевиден. Я откидываюсь назад, отворачиваюсь, прижимаю руки к вискам. Скорбь грозит подавить меня. Томас не только убил Метиаса, зная, что мой брат любил его.

Томас воспользовался любовью Метиаса, чтобы его убить.

Я хочу твоей смерти. Я тебя ненавижу.

Волна ярости готова захлестнуть меня, но тут я слышу шепот Метиаса, слабый лучик здравого смысла: «Все будет хорошо, Джучок, слышишь? Все будет хорошо».

Я жду. Сердце потихоньку унимается, наконец успокаивающие слова брата возвращают меня к действительности. Я открываю глаза и в упор смотрю на Томаса:

– И что случилось потом?

Томасу не сразу удастся заговорить, но, когда раздастся его голос, я слышу в нем дрожь:

– Выхода не было. Метиас понятия не имел, что происходит. Он и не подозревал о заговоре. Я потрогал рукоять кинжала на поясе, но так и не заставил себя нанести удар. Я даже дышать не мог.

Глаза мои наполняются слезами. Я отчаянно хочу узнать все в мельчайших подробностях и в то же время – заткнуть уши, не слышать Томаса, навсегда забыть о той ночи.

– И тут зазвучал сигнал тревоги. Мы отпрянули друг от друга. Метиас покраснел, вид у него был смущенный, но через секунду-другую мы оба поняли, что сирена ревет в госпитале. Миг замешательства прошел. Ваш брат снова превратился в капитана Республики и побежал ко входу в больницу. «Идите внутрь! – прокричал он в микрофон не оглядываясь. – Половина в госпиталь, определите источник, остальным собраться у входа и ждать моего приказа. Быстро!»

Я побежал следом, упустив шанс нанести удар. Я спрашивал себя, могла ли командер Джеймсон стать свидетелем моей неудачи. У Республики глаза повсюду. Они знают все. Я запаниковал. Нужно было найти другую возможность, другой шанс остаться с вашим братом наедине. Если я не выполню приказ, судьба Метиаса окажется в других, более жестоких руках. Я догнал Метиаса у входа, его лицо потемнело от гнева. «Ограбление, – сказал он. – Не сомневаюсь, это тот самый парень, которого мы видели. Брайант, возьмите пятерых и заблокируйте здание с востока. Я зайду с другой стороны». Ваш брат уже собирал солдат. «Парню как-то нужно выбраться из здания, – сказал он. – Как только попытается, мы его встретим».

Когда Метиас отбежал подальше, я приказал солдатам двигаться на восток, а сам нырнул в тень зданий. Нельзя было упускать его. Мой последний шанс. Если потеряю его, можно прощаться с жизнью. По спине струился пот. Вспомнив все, что рассказывал мне Метиас об искусстве быть незаметным, красться, как мышь, я растворился в сумерках. Где-то в ночи послышался звон стекла. Я спрятался за стеной, и ваш брат пробежал мимо – один, без сопровождения, он спешил на шум. Я двинулся следом. Мрак целиком поглотил меня. На

мгновение я потерял Метиаса в темном проулке. Где он? Я огляделся. И тут поступил вызов: «Советую вам изыскать еще одну возможность, лейтенант. И как можно скорее», – гаркнула командер Джеймсон.

Спустя несколько секунд я наконец нашел Метиаса. Он был один, пытался подняться с земли, усыпанной битым стеклом и запятнанной кровью. Из его плеча торчал нож. В нескольких футах лежала крышка люка. Я бросился к Метиасу. Он коротко мне улыбнулся, держась за рукоять ножа, пронзившего плечо. «Это был Дэй, – выдохнул он. – Ушел по сточной системе». Он протянул мне руку: «Помоги-ка мне подняться». – «Вот твой шанс, – сказал я себе. – Единственный шанс, сейчас или никогда».

Томас бормочет еле слышно, а я снова хочу остановить его, но не могу. Я будто онемела.

– Жаль, я не могу описать все образы, пробежавшие тогда перед моим мысленным взором: командер Джеймсон допрашивает Метиаса, пыткой выбивает из него показания, вырывает у него ногти, режет кожу, пока Метиас не начинает молить о пощаде; потом она медленно убивает его, как убивала всех военнопленных. – Слова срываются с языка Томаса все быстрее, превращаются в сумбур. – Я представлял себе республиканский флаг, республиканский герб, присягу, которую принес в тот день, когда Метиас принял меня в патрульную службу. Я поклялся, что до последнего вздоха буду хранить верность Республике и моему Президенту. Я мельком взглянул на нож, торчащий из плеча Метиаса, – выполни свой долг. Выполни сейчас. И тут, ухватив Метиаса за воротник, я вытащил нож из раны в плече и вонзил ему в сердце по самую рукоять.

Я слышу собственное «ах». Словно ожидала другого конца. Словно, если прослушать историю несколько раз, конец изменится. Нет, он никогда не меняется.

– Метиас прерывисто вскрикнул, – шепчет Томас. – А может быть, это вскрикнул я – теперь уже не могу сказать. Он упал на землю, цепляясь за мое запястье, широко распахнув в недоумении глаза. «Прости», – выдохнул я.

Томас поднимает на меня глаза – он просит прощения у меня и у моего брата.

– Я склонился над его трепещущим телом. «Прости, прости, – повторял я. – У меня не было выбора. Ты не оставил мне выбора!»

Теперь я едва слышу Томаса, а он все говорит:

– Искорка понимания вспыхнула в глазах вашего брата. А с ней и страдание, нечто большее, чем физическая боль, – предсмертное прозрение. Потом отвращение. Разочарование. «Теперь я знаю почему», – прошептал он. Можно было не спрашивать, я и так понимал, что он говорит о нашем поцелуе. «Нет, то было искренне! – хотел прокричать я. – То было прощание – проститься с тобой иначе я не мог. Искренне, клянусь». Но сказал другое: «Зачем ты поссорился с Республикой? Я тебя сто раз предупреждал. Перейдешь Республике дорогу, и она тебя уничтожит. Я предупреждал! Но ты не хотел слушать!» Но ваш брат покачал головой. Его глаза словно говорили: тебе этого никогда не понять. Из его рта потекла струйка крови, он еще сильнее сжал мое запястье. «Не трогай Джун, – сказал он. – Она ничего не знает». Потом его глаза загорелись огнем страха и ярости. «Не трогай ее! Обещай!» И я заверил его: «Я буду защищать ее. Не знаю как, но буду стараться. Обещаю».

Свет в глазах Метиаса погас, пальцы ослабли. Он смотрел на меня, пока оставались силы, а потом я понял: он умер. «Шевелись. Уноси ноги», – говорил я себе, но оставался над телом Метиаса. В голове не было никаких мыслей. Его неожиданный уход поразил меня. Метиас умер. Метиас никогда не вернется. И виноват в его гибели я. Нет. Да здравствует Республика! Только она имеет значение, говорил я себе, да, да, только она. То самое – что уж там происходило между нами – было не по-настоящему, у нас все равно ничего бы не получилось. Во всяком случае, пока Метиас оставался надо мной капитаном. Пока оставался преступником, работающим против моей страны. Все к лучшему. Да, к лучшему.

Тут я услышал крики солдат. Собрался. Отер глаза. Я должен жить дальше. Я выполнил приказ. Остался верен Республике. Включился некий инстинкт выживания. Все вокруг затуманилось, будто дымка окутала мою жизнь. Хорошо. Мне было необходимо это странное спокойствие, поглотившее все мои мучения. Я аккуратно уложил свое горе в сердце, словно ничего не случилось, и, когда подбежали первые солдаты, вызвал командера Джеймсон. Даже не пришлось ничего ей говорить. Мое молчание сказало все. «Сообщите малютке Айп-эрис, когда будет время, – сказала она. – Хорошая работа, капитан». Я не ответил.

Томас замолкает, сцена перед моим мысленным взором развеивается. Я снова в тюрьме, в одиночке, по моим щекам льются слезы, сердце истекает кровью, словно мне, а не моему брату вонзили нож в грудь.

Томас пустыми глазами смотрит на пол между нами.

– Я любил его, Джун, – говорит он секунду спустя. – Искренне любил. Все, что я сделал как солдат, все мои труды и тренировки имели одну цель: произвести впечатление на Метиаса.

Он наконец дает волю чувствам, и я вдруг понимаю истинную глубину его терзаний. Голос Томаса ужесточается, словно он пытается убедить себя в правоте собственных слов:

– Я отвечаю перед Республикой: Метиас сам сделал меня таким преданным солдатом. Даже он это понял.

Удивительно, но мое сердце болит за Томаса. Он ведь мог бы помочь Метиасу бежать. Мог бы сделать что-нибудь. Хоть что-нибудь. Мог бы попытаться. Но даже сейчас Томас остается прежним. Он никогда не изменится и никогда, никогда не узнает, каким был Метиас на самом деле.

Теперь я понимаю истинную причину его встречи со мной. Он хотел искренне во всем признаться. Как и во время нашего разговора после моего ареста, Томас отчаянно ищет прощения, ищет хоть какого-нибудь, пусть даже крошечного оправдания своему поступку. Он хочет верить, будто убийство Метиаса было оправданно. Он ждет моего сочувствия. Надеется обрести душевный покой перед смертью.

Но он попусту теряет время. Я не могу дать ему душевного спокойствия даже в его последний день. Есть вещи, которые прощать нельзя.

– Мне жаль вас, – говорю я. – Вы так слабы.

Томас сжимает губы. Он все еще пытается найти себе оправдание.

– Я мог бы избрать путь, которым пошел Дэй. Стать преступником. Но избрал другой. И вы знаете, что я все делал верно. За это Метиас и любил меня. Он меня уважал. Я следовал правилам, подчинялся законам, я пробивался наверх с самого низа. – Он подается ко мне, в его глазах плещется отчаяние. – Я давал присягу, Джун. Я все еще связан присягой. Я умру с честью, пожертвовав всем – всем! – ради моей страны. Но легендой считают Дэя, а я приговорен к казни.

В голосе Томаса слышатся боль и душевные терзания: он полагает, что с ним обходятся несправедливо.

– Это бессмыслица! – восклицает Томас.

Я встаю. Охранники снаружи подходят к двери камеры.

– Вы ошибаетесь, – печально говорю я. – Смысл очевиден.

– И в чем же он?

Я в последний раз поворачиваюсь к нему спиной. Дверь открывается, и, минуя решетку, я выхожу в коридор. Смена тюремной охраны. Свобода.

– В том, что Дэй предпочел ходить во свете. Как и Метиас.

Во второй половине дня я вместе с Олли отправляюсь на беговую дорожку Денверского университета – нужно привести в порядок голову. Желтоватые в предвечернем солнце небеса подернуты дымкой. Я пытаюсь представить небо, кишашее воздухолетами Колоний, – там и здесь идут воздушные бои, вспыхивают самолеты, гремят взрывы. Не позднее чем через двенадцать дней мы должны дать ответ Колониям. Но как – без помощи Дэя? Эта мысль не дает мне покоя, но хотя бы вытесняет думы о Томасе и командере Джеймсон. Я ускоряю шаг. Кроссовки стучат по асфальту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.